

И.Ильф
Е.Петров

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК

Комедия в двух действиях

Инсценировка Алексея Дударева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОСТАП БЕНДЕР

ШУРА БАЛАГАНОВ

ПАНИКОВСКИЙ

КОЗЛЕВИЧ

КОРЕЙКО

ЗОСЯ СИНИЦКАЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Участники хора, милиционеры, дружинники, военные, пионеры, балалаечники, цимбалисты, домбристы, совслужащие.

Действие происходит в 1930 году. У нас.

**О, благословенные 30-е года прошлого столетия.
Подъем! Энтузиазм! Вера! Выше! Дальше! Глубже!
Шире! Быстрее! Марши во всем теле! И счастье
грядущих поколений! От ожидания этого счастья под
ложечкой сосало, в пятках замирало и все на все всегда
были! До конца! Заглянем в один из достойно
провинциальных городов необъятных СССР. Исполком.
Хор. Сам ПРЕДСЕДАТЕЛЬ солирует и сам же дирижирует. Поют.
Песня исполкомовского хора.**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Ой, вы, девочки, ой, красавицы!
Не влюбляйтесь в военных ребят.
Ведь военные, да й жанатя,
В заблуждення приводят дзяўчат.

Девочки, милые, нежненько...

ХОР

Ведь военные, да й жанатя,
В заблуждення приводят дзяўчат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Плохо! Нету нежности! Нету, я сказал! Понимаете?

Поет.

Одна девушка – раскрасавица
Прозывалася Надей она.
Улюбилася у военнага,
Но не знала, што дома жана.
Девочки, глубже, глубже...

ХОР

Влюбилася у ваеннага,
Но не знала, што дома жана.

Появляется ОСТАП БЕНДЕР. Слушает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(поет)*

Поздним вечарам прыйшоў Ванечка,
Падарыў носовой ей платок.
Собирай усё, ўсё што ёсць ў тебя
И уедем на Дальний Восток.

Девочки, любовь, любовь дайте!

ХОР

Собирай усё, ўсё што ёсць ў тебя
И уедем на Дальний Восток.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(поет)*

Да вокзала йшли, целовалися,
Любовались собой как могли,
Дал он в руки ей чамадан пустой,
Сказал: пару минут абажди.

ХОР

Дал он в руки ей чамадан пустой,
Сказал: пару минут абажди.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(поет)*

Абашол кругом, сам зашол в вагон
И прэзрыцельно смотрит с окна
До свидания, больш не жди меня
Ў мяне дома есть дети – жана.

ХОР

До свидания, больш не жди меня,
Ў мяне дома есть дети – жана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

И осталася бедна Наденька
С чамаданами пустыми у руках.
Аблилась слязой, с тем ушла дамой,
Так прашли маладыя гада.

ХОР

Аблилась слязой, с тем ушла дамой,
Так прашли, маладыя гада.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Плохо! Не чувствуется народности! Драматизм отсутствует! Глубины нету! Нету глубины! Это же кладезь! Кладезь народной культуры! Как не понять?

ОСТАП БЕНДЕР слушал всю песню.

БЕНДЕР (*сам себе*). Нет, это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы ко мне, товарищ? По какому делу?

БЕНДЕР. По личному.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*к хору*). Перерыв! Всем слова учить. Через десять минут – генеральный прогон! (*К Остапу.*) Смотр через неделю. Облкультметодцентр мне лично поручил подготовить программу...

БЕНДЕР. Вы меня не узнаете?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну-у...

БЕНДЕР. Неужели не узнаете?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну-у...

БЕНДЕР. А между тем многие находят, что я поразительно похож на своего отца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я тоже похож на своего отца. Вам чего, товарищ?

БЕНДЕР. Тут все дело в том, какой отец. Я сын, лейтенанта Шмидта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Рад! Очень рад! Очень хорошо, что вы зашли. Вы, вероятно, из Москвы?

БЕНДЕР. Да, проездом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать. Скажите, а вы-то сами помните восстание на броненосце «Очаков»?

БЕНДЕР. Смутно, смутно... В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, а как ваше имя?

БЕНДЕР. Николай... Николай Шмидт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А по батюшке?

БЕНДЕР (*сам себе*). Ах, как нехорошо! И как его звали? (*Председателю.*) Да-а... Теперь многие не знают имен героев. Угар Нэпа. Олигархия. Нет того энтузиазма. Я собственно попал к вам в город совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы говорите. Без копейки? Это интересно! Вы понимаете, глохнешь тут за работой, великие вехи забываешь. Так как вас по батюшке?

БЕНДЕР. Я мог бы обратиться к частному лицу. Мне всякий даст, но, вы понимаете, это не совсем удобно с политической точки зрения. Сын революционера – и вдруг просит денег у частника, у олигарха, у жулика, у НЭПмана...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И очень хорошо сделали, что не обратились к частнику!

БЕНДЕР. Полштуки надо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько?

БЕНДЕР. Полкосаря.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не понял.

БЕНДЕР. Пятьсот.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы понимаете... узкие рамки... местного бюджета... Можно я позвоню.

БЕНДЕР. Вот телефон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*в трубку*). Это я... Тут у нас гость... Николай... Шмидт. Сын... Да, да, того самого. Ну, в общем, типа помочь надо... Из внебюджетных средств... Ага. (*Остану.*) Одну минуточку, товарищ Шмидт.

Но и минуточки не понадобилось. Тут же вошел человек с лицом барбоса, отдал два конверта и вышел.

Председатель передал один из конвертов ОСТАПУ.

БЕНДЕР уложил конверт в глубокий карман серого в яблоках пиджака.

БЕНДЕР. Гран мерси... Через год должна выйти моя книга об... отце, то есть лейтенанте Шмидте. Вышлю обязательно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Буду признателен.

БЕНДЕР. Засим, как говорится, позвольте откланяться...

Появляется ШУРА БАЛАГАНОВ.

ШУРА. Кто здесь главный?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, я...

ШУРА. Здоров председатель! Будем знакомы. Сын лейтенанта Шмидта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто?

ШУРА. Сын великого, незабвенного героя лейтенанта Шмидта. Русского революционера, демократа, одного из руководителей севастопольского восстания 1905 года. Батяка родился в Одессе в дворянской семье и был потомственным мор.офицером. Рабочие избрали Шмидта, то есть батяку моего, пожизненным депутатом Севастопольского совета рабочих депутатов. Однако царские сатрапы приговорили батяку к смертной казни и расстреляли на острове Березань. И я остался круглой сиротой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы... кто?

ШУРА. Сын великого, незабвенного героя лейтенанта Шмидта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вот же товарищ сидит – сын товарища Шмидта, Николай Шмидт.

Пауза.

БЕНДЕР (*с дрожью в голосе*). Вася! Родной братик! Узнаешь брата Колю?

ШУРА (*обалдело*). Узнаю! Узнаю брата Колю!

Обнимаются. Целуются.

БЕНДЕР (*председателю*). До чего удивительная встреча!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*кисло*). Да... Бывает, бывает...

БЕНДЕР (*Шуре*). Когда же ты приехал из Мариуполя, где ты жил у нашей бабушки?

ШУРА. Да, я жил у нее...

БЕНДЕР. Что же ты мне так редко писал? Я очень беспокоился.

ШУРА (*угрюмо*). Занят был...

БЕНДЕР (*сквозь зубы, шепотом*). По тюрягам сидел, да?

ШУРА. А ты почему не писал?

БЕНДЕР. Я писал! Заказные письма посылал. У меня даже квитанции есть. Вот!

Показывает ПРЕДСЕДАТЕЛЮ какие-то бумажки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну вот что, товарищи... Шмидты... У меня репетиция хора. Я занят. Есть у вас еще ко мне вопросы?

ШУРА. Не-е!

БЕНДЕР. Нет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. До свидания. *(Вышел.)*

БЕНДЕР. Кстати, о детстве... В детстве таких, как вы, я убивал на месте... Из рогатки.

ШУРА. Почему?

БЕНДЕР. Таковы суровые законы жизни. Вы зачем полезли к Председателю? Разве вы не видели, что Председатель не один?

ШУРА. Я думал...

БЕНДЕР. Ах, вы думали? Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан-Жак Руссо? Марк Аврелий?

ШУРА. Я не прав, шеф...

БЕНДЕР. Ну, я вас прощаю. Живите. А теперь давайте познакомимся. Как-никак – мы братья, а родство обязывает. Меня зовут Остап Бендер. Разрешите также узнать вашу первую фамилию.

ШУРА. Балаганов. Шура Балаганов.

БЕНДЕР. О профессии не спрашиваю, но догадываюсь. Вероятно, что-нибудь интеллектуальное? Судимостей за этот год много?

ШУРА. Две.

БЕНДЕР. Вот это нехорошо. Почему вы продаете, свою бессмертную душу? Человек не должен судиться. Я имею ввиду кражи. Не говоря уже о том, что воровать грешно, – мама, наверно, познакомила вас в детстве с такой доктриной, – это к тому же бесцельная трата сил и энергии.

ШУРА *(указывая пальцем).* Смотрите! Видите, вон идет человек в соломенной шляпе?

БЕНДЕР. Вижу. Ну и что же? Это губернатор острова Борнео?

ШУРА. Это Паниковский! Сын лейтенант Шмидта.

БЕНДЕР. Как, еще один сын? Это становится забавным. У лейтенанта было три сына – два умных, а третий дурак. Его нужно предостеречь.

ШУРА. Не надо. Пусть знает в следующий раз, как нарушать конвенцию.

БЕНДЕР. Что за конвенция такая?

ШУРА. Потом расскажу. А сейчас понаблюдаем.

Прячутся.

БЕНДЕР. Я человек завистливый, но тут завидовать нечему. Вы никогда не видели боя быков?

ШУРА. Нет

БЕНДЕР. Сейчас посмотрим.

*Появляется ПАНИКОВСКИЙ,
затем энергичный ПРЕДСЕДАТЕЛЬ и ХОР.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так! Продолжаем репетицию! Стали по голосам! По голосам я сказал! Что не понятно? Стали! Так, повернули головы! Повернули головы, я сказал. Что написано на транспаранте? Читаем! Всем хором читаем!

ХОР *(читает хором).* «Достоинно отметимся на всесоюзном смотре художественной самодеятельности! Да здравствует!»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы поняли? А как мы отметимся с такими голосами, с таким отношением к народной песне! Собрались! Настроились! Настроились, я сказал!!! И-и-и!!! *(Поет.)*

Ой вы, дзевачки, ой красавицы
Не ўлюбляеся ў ваенных рабят,
Бо ваенныя, шчэ й жанатыя,
Ў заблужджэнне прыводзяць дзяўчат...

ХОР

Бо ваенныя, шчэ й жанатыя,
Ў заблужджэнне прыводзяць дзяўчат!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Стоп! Плохо! *(К Паниковскому.)* Вы ко мне, товарищ?

ПАНИКОВСКИЙ. Товарищ председатель, позвольте выразить свои восхищения вашим замечательным хоровым коллективом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К смотрю готовимся...

ПАНИКОВСКИЙ. И вы лично руководите хором? Как это по-нашему, по-новому, по-советски. Что сделали великие перемены! Что сделала Революция! Плакать хочется! Возможно ли при старом режиме представить себе, чтобы городничий или губернатор руководил хором? Какие перемены, честное благородное слово! Какие перемены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам чего, товарищ?

ПАНИКОВСКИЙ. Осмелюсь представиться: сын лейтенанта Шмидта...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Чего-о-о?!

ПАНИКОВСКИЙ. Сын великого русского демократа Петра Петровича Шмидта казненного жестоким царским режимом. Эдуард Шмидт. Наш род восходит к Амстердаму. Мой дедушка Шмидт Исаак Яков, а по-нашему Яков Иванович известный русский языковед, академик Петербургской академии наук, всю свою сознательную жизнь посвятил исследованию монгольского и тибетского языков. Автор первой грамматики монгольского языка, грамматики тибетского языка, ряда словарей. А мой дядя, о, кто сейчас не знает моего дядю Отто Юльевича Шмидта, который родился в Могилеве. Ученый-математик, астроном, геофизик, государственный и общественный деятель. А второй мой дядя Шмидт Петр Юльевич – профессор, зоолог и ихтиолог, ученый секретарь Академии наук. Об отце я уже не говорю. Кто его не знает. Вообще, товарищ Председатель, приятно носить такую фамилию. И ответственно. Вы же знаете, что существует гипотеза Шмидта, камера Шмидта, коррекционная пластинка Шмидта, мыс Шмидта, остров Шмидта, подледная равнина Шмидта, телескоп Шмидта, наконец...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(орет).* Во-о-он!!!

ПАНИКОВСКИЙ. Что? Какое вон? Куда вон?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пошел во-он!!! *(К хору.)* Хватайте его! Набейте ему, морду лица! В милицию! В прокуратуру! В НКВД его! Жулье! Растлители святынь! Ревизионисты! Обормоты! Оппортунисты!

*Весь ХОР дружно бросается на ПАНИКОВСКОГО,
как стая собак на зайца.*

ПАНИКОВСКИЙ. Позвольте! Позвольте! Пустите меня! Я, в самом деле, Шмидт! Эдуарт Отгович, то есть Юльевич! Пустите! Жалкие, ничтожные люди!

Расправа.

Затемнение.

Летний кооперативный сад. Входят ОСТАП Бендер и ШУРА БАЛАГАНОВ. Читают плакат

«Пиво отпускается только членам профсоюза».

БЕНДЕР. Вы, конечно, стоите на краю финансовой пропасти?

ШУРА. Это вы насчет денег? Денег у меня нет уже целую неделю.

БЕНДЕР. В таком случае вы плохо кончите, молодой человек. Финансовая пропасть – самая глубокая из всех пропастей, в нее можно падать всю жизнь. Ну ладно, не горюйте. Председатель исполкома полюбил меня с первого взгляда и осыпал золотым дождем из внебюджетных средств. Но имейте ввиду, уважаемый Шура, даром я вас питать не намерен. За каждый витамин, который я вам скормлю, я потребую от вас множества мелких услуг. Итак, будем завтракать, если накормят. Здесь, я вижу, тоже к смотру готовятся. *(Читает.)* «Пиво отпускается только членам профсоюза».

ШУРА. Удовлетворимся квасом.

За столиками сидели поголовно члены профсоюза и во всю пили пиво, ничем не закусывая. ПАРЕНЬ и ДЕВУШКА готовились к смотру.

Под гармошку пели частушки.

ДЕВУШКА

А я выйду в сад зеленый,
Там соловьюшек поет,
А кто ж миня дивчиноньку
До крылечка доведет.
Ой, залётка, где ты, где ты
Ты приди на пять минут,
Ты постой со мной немножко
И скажи чего-нибудь.

ПАРЕНЬ

Что ж ты спишь, моя картина,
Сорок раз прошел я мимо.

ДЕВУШКА

А я милого свово всего изуверила,
Он помногу говорил, а я мало верила.

ПАРЕНЬ

Чем я парень виноватый
До сих пор я нежанатый,
Я хороший, чуб мой вьющий
Не курящий и не пьющий.

ДЕВУШКА

Ты парнишка неплохой,
Но за что тебя любить
Ты меня не уважаешь,
Редко стал ко мне ходить.

ПАРЕНЬ

Ох, как я в нее влюбился,
На забор полез – убился.

ДЕВУШКА

Ох, какой ты непонятный, бестолковый ухажер,
Во саду у нас калитка, а ты лезешь на забор!

За столиком БЕНДЕР и ШУРА.

БЕНДЕР (*дослушав частушки*). Нет, это не Рио-де-Жанейро.

ШУРА (*продолжает рассказ*). ...И, как оказалось, у лейтенанта Шмидта аж тридцать сыновей и четыре дочки. Плюс к этому еще добавились семь внуков Карла Маркса, два племянника Фридриха Энгельса, брат Луначарского и шурин князя Кропоткина. Сорок пять родственников великих революционеров! Мы постоянно сталкивались лбами. Как сегодня! Решили так: весь Союз Республик разбить на сорок пять участков каждому в долгосрочное пользование. Конвенцию подписали! Здесь, на Арбатовском участке сыном лейтенанта Шмидта имею право быть только я. И никто другой! И вот вы, Бендер, сами видели, как этот гад нарушил конвенцию. Он давно ползал по моему участку, только я до сих пор не мог его поймать. Какая гадюка, правда?

БЕНДЕР. Балаганов, вы пижон. Не обижайтесь. Этим я хочу только указать то место, которое вы занимаете под солнцем.

ШУРА. Идите к черту!

БЕНДЕР. Вы все-таки обиделись? Значит, по-вашему, должность лейтенантского сына это не пижонство?

ШУРА. Да ведь вы сами сын лейтенанта Шмидта!

БЕНДЕР. Вы пижон. И сын пижона. И дети ваши будут пижонами. Мальчик! То, что произошло сегодня утром, – это даже не эпизод, а так, чистая случайность, каприз художника. Джентльмен в поисках десятки. Ловить на такие мизерные шансы не в моем характере. И что это за профессия такая, прости господи! Сын лейтенанта Шмидта! Ну, год еще, ну, два. А дальше что? Дальше ваши рыжие кудри примелькаются, и вас просто начнут бить.

ШУРА. Так что же делать? Как снискать хлеб насущный?

БЕНДЕР. Надо мыслить. Меня, например, кормят идеи. Я не протягиваю лапу за кислым исполкомовским рублем. Моя наметка пошире. Вы, я вижу, бескорыстно любите деньги. Скажите, какая сумма вам нравится?

ШУРА. Пять тысяч.

БЕНДЕР. В месяц?

ШУРА. В год.

БЕНДЕР. Тогда мне с вами не по пути. Мне нужно пятьсот тысяч. И по возможности сразу, а не частями.

ШУРА. Может, все-таки возьмете частями?

БЕНДЕР. Я бы взял частями. Но мне нужно сразу.

ШУРА *(после паузы)*. Зачем же вам так много денег... и сразу?

БЕНДЕР. Вообще-то мне нужно больше... Пятьсот тысяч. Это мой минимум. Я хочу уехать, товарищ Шура, уехать очень далеко, в Рио-де-Жанейро.

ШУРА. У вас там родственники?

БЕНДЕР. Разве я похож на человека, у которого могут быть родственники?

ШУРА. Нет, но мне...

БЕНДЕР. У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один во всем свете. Был у меня папа, турецкий подданный, да и тот давно скончался в страшных судорогах. Не в этом дело. Я с детства хочу в Рио-де-Жанейро. Вы, конечно, не знаете о существовании такого города.

ШУРА. Не-а.

БЕНДЕР. 1360 тысяч жителей, значительное число мулатов, бухта Атлантического океана. Главные улицы города по богатству магазинов и великолепию зданий не уступают первым городам мира! Представляете себе, Шура? Не уступают! Мулаты, бухта, экспорт кофе, чарльстон под названием «У моей девочки есть одна маленькая штучка и... о чем говорить! Полтора миллиона человек и все поголовно в белых штанах. Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Теперь вам ясно, для чего мне нужно столько денег?

ШУРА. Где же вы возьмете пятьсот тысяч?

БЕНДЕР. Где угодно. Покажите мне только богатого человека, и я отниму у него деньги.

ШУРА. Как? Убийство?

БЕНДЕР. Знаете, вам не надо было подписывать конвенцию по разделению СССР между сыновьями, внуками и племянниками великих революционеров. Это умственное упражнение, как видно, сильно вас истощило. Вы глупеете прямо на глазах. Заметьте себе, Остап Бендер никогда никого не убивал. Его убивали – это было, но сам он чист перед законом. Я, конечно, не херувим. У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость.

ШУРА. Как же вы думаете отнять деньги?

БЕНДЕР. Отъем или увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема. Но не в способах дело. Дело в том, что у нас нет богатых людей. Представляете, какой парадокс: везде есть, а у нас нет. И в этом ужас моего положения. Иной бы набросился на какое-нибудь беззащитное госучреждение, но это не в моих правилах. Вам известно мое уважение к Уголовному кодексу. Нет расчета грабить коллектив. Дайте мне индивида побогаче. Но его нет, этого индивидуума.

ШУРА. Да что вы! Есть очень богатые люди.

БЕНДЕР. У нас?

ШУРА. У нас.

БЕНДЕР. А вы их знаете? Можете вы назвать фамилию и точный адрес хотя бы одного советского миллиардера? А ведь они есть, они должны быть. Раз в стране бродят какие-то денежные знаки, то должны же быть люди, у которых их много. Но как найти такого ловчилу? Боже, боже! В какой холодной стране мы живем! У нас все скрыто, все в подполье. Вот что обидно!

ШУРА. Значит, вы думаете, что если бы нашелся такой вот тайный миллионер, то?..

БЕНДЕР. Не продолжайте... Я не буду душить его подушкой или бить вороненым наганом по голове. И вообще ничего дурацкого не будет. Ах, если бы только найти индивида! Уж я так устрою, что он свои деньги мне сам принесет на блюдечке с голубой каемкой.

ШУРА. Это очень хорошо. Пятьсот тысяч на блюдечке с голубой каемкой. *(Нервно подхватился со стула.)* Сам принесет? На блюдечке? А если не принесет? А где это Рио-де-Жанейро? Далеко? Не может того быть, чтобы все ходили в белых штанах. Вы это бросьте, Бендер. На пятьсот тысяч можно и у нас хорошо прожить.

БЕНДЕР. Бесспорно, бесспорно... Прожить можно. Но вы не трещите крыльями без повода. У вас же пятисот тысяч нет.

ШУРА. Я знаю такого миллионера.

БЕНДЕР. Идите, идите... Я подаю только по субботам, нечего тут заливать.

ШУРА. Честное слово, мосье Бендер...

БЕНДЕР. Слушайте, Шура, если уж вы окончательно перешли на французский язык, то... называйте адрес вашего миллиардера...

ШУРА. Он живет в Черноморске.

БЕНДЕР. Ну, конечно, так я и знал. Черномрск! Там даже в довоенное время человек с десятью тысячами назывался миллиардером! А теперь... могу себе представить! Нет, это чепуха!

ШУРА. Да нет же, дайте мне сказать. Это настоящий миллиардер. Понимаете, Бендер, случилось мне недавно сидеть в тамошнем сизо...

*Тут опять заиграла гармошка. Члены профсоюза,
которым отпускалось пиво, запели.*

ПЕСНЯ ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗА

Что стоишь качаясь
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына.
На горе высокой
За быстрой рекою
Также одиноко
Дуб стоит высокий.
Кабы мне рябине
К дубу перебраться,
Чтоб с его листвою
День и ночь шептаться.
Но нельзя рябине
К дубу перебраться,

Видно сиротине
Век одной качаться.

БЕНДЕР и ШУРА о чем-то шепчутся.

Песня умолкает.

БЕНДЕР (*встает из-за стола*). Итак? Первое. (*Загибает палец.*)

ШУРА. Угнал поезд с продовольствием, который шел голодающим Поволжья, будучи комендантом.

БЕНДЕР. По меньшей мере, высшая мера социальной защиты, а в просто наречии – вышка либо расстрел.

ШУРА. Во время эпидемии торговал краденными со складам медикаментами.

БЕНДЕР. То же самое, но при хорошем адвокате – двадцать пять лет без права переписки.

ШУРА. Организовал фиктивную промысловую артель химических продуктов, взял в Госбанке кредит и исчез вместе с деньгами.

БЕНДЕР (*загибает третий палец*). Пятнадцать лет без права переписки с последующим поражением в правах сроком на пять лет.

ШУРА. Спекулировал хлебопродуктами, сукнами, сахаром, текстилем – всем, чем можно спекулировал. Через подставных лиц.

БЕНДЕР. Организация преступных сообществ именуемых в просто наречии бандами с целью обмана и присвоения социалистической собственности и собственности граждан.

ШУРА. Кроме этого...

БЕНДЕР. Довольно, Шура... Вы когда-либо слышали про Агасфера?

ШУРА. Не-а...

БЕНДЕР. Ну, вечный жид...

ШУРА (*радостно*). Про жида слышал. Слышал!

БЕНДЕР. Так вот, даже у этого пошлого старика Агасфера не хватит жизни (а ведь он бессмертный), чтобы оттянуть срок, который советская власть и ее самый гуманный суд назначит нашему подпольному миллиардеру. Как вы сказали его фамилия?

ШУРА. Корейко.

БЕНДЕР. Прекрасная фамилия. И вы утверждаете, что никто не знает о его миллионах?

ШУРА. Никто, кроме меня и Пружанского. Но Пружанский будет сидеть в тюрьме еще года три. Если бы только видели, как он убивался и плакал, когда я выходил на волю. Он, видимо, чувствовал, что мне не надо было рассказывать про Корейко.

БЕНДЕР. То, что он открыл свою тайну вам, это чепуха. Не из-за того он убивался и плакал. Он, вероятно, чувствовал, что вы расскажете всю эту историю мне. А это действительно бедному Пружанскому прямой убыток. К тому времени, когда Пружанский выйдет из тюрьмы, Корейко будет находить утешение только в пошлой пословице: «Бедность не порок». (*Скинул свою летнюю фуражку.*) Есть у меня седые волосы?

ШУРА (*голосом правофлангового*). Никак нет!

БЕНДЕР. Значит, будут. Нам предстоят великие бои. Вы тоже поседете, Балаганов.

ШУРА. Как вы говорите: сам принесет на блюдечке с голубой каемкой?

БЕНДЕР. Мне на блюдечке, а вам не тарелочке.

ШУРА. А как же Рио-де-Жанейро? Я тоже хочу в белых штанах!

БЕНДЕР. Рио-де-Жанейро, – это хрустальная мечта моего детства, не касайтесь ее своими лапами. Ближе к телу!.. Гм. К делу! Выслать линейных в мое распоряжение! Частями прибыть в город Черноморск! Форма одежды караульная! Ну, трубите марш! Командовать парадом буду я!

Марш.

Затемнение.

**За городом. Поле. По центру древняя авто «Лорен-Дитрих».
С рекламным клеймом «Эх, прокачу!» Горит костер.
Вокруг развеселая компания с девицами.
Поют-танцуют. Шофер АДАМ КОЗЛЕВИЧ ждет.
Песня гуляк-растратчиков.**

ГОРБУН

Последний нынешний денечек,
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рана чуть светочек
Заплачет вся моя родня.

Что день, то короче к могиле наш путь...

(Поет.)

Заплачут братья мои, сестры,
Заплачут мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой три года гулял...

ДЕВИЦЫ

По рюмочке, по маленькой
Налей, налей, налей!
По рюмочке, по маленькой,
Чем поят лошадей!

ГОРБУН

Коляска к дому подкатила,
Колеса об землю стучат!
С коляски старший восклицает,
Готовьте сына своего!

Жалко братцы! Обидно! Мы же никогда не были студентами!!!

ДЕВИЦЫ

Крестьянский сын давно готовый
Семья вся замертво лежит!
Прощай, семья моя родная,
Прощайте, милые друзья!

ГОРБУН. Душа горит!!!

Свистки. Милиционеры.

Прощай, семья моя родная,
Прощайте, милые друзья!
Мы никогда! Никогда не были студентами.

*Милиционеры уводят всех кроме КОЗЛЕВИЧА,
который сидит под колесами своего автомобиля и
тупо смотрит перед собой. Появляются ОСТАП БЕНДЕР
и ШУРА БАЛАГАНОВ.*

БЕНДЕР. Шура, разве вы можете сказать, что это Рио-де-Жанейро?

ШУРА. Это гораздо хуже!

БЕНДЕР (*осматривая машину*). Оригинальная конструкция. Заря автомобилизма. Видите, Балаганов, что можно сделать из простой швейной машины Зингера? Небольшое приспособление – и получилась прелестная колхозная сноповязалка.

КОЗЛЕВИЧ. Отойди!

БЕНДЕР. То есть как это «отойди»? Зачем же вы поставили на своей молотилке рекламное клеймо «Эх, прокачу!»? Может быть, мы с приятелем желаем совершить деловую поездку? Может быть, мы желаем именно эх-прокатиться?

КОЗЛЕВИЧ (*неожиданно подхватывается, и открывает дверцу машины*). Пожалуйте! Куда везти?

ШУРА. На этот раз – никуда. Денег нету. Ничего не поделаешь, товарищ механик, бедность.

КОЗЛЕВИЧ. Все равно садись! Подвезу даром. Пить не будете? Голые танцевать не будете при луне? Эх! Прокачу!

БЕНДЕР. Ну что ж воспользуемся гостеприимством. У вас, я вижу, хороший характер. Но почему вы думаете, что мы способны танцевать в голом виде?

КОЗЛЕВИЧ. В этом городе все, все поголовно – государственные преступники! У всех без исключения в голове три «Б»!!! Только три «Б».

БЕНДЕР. Переведите, пожалуйста...

КОЗЛЕВИЧ. Что вам перевести?

БЕНДЕР. Три «Б», если не трудно.

КОЗЛЕВИЧ. Чего тут трудного. Три «Б». Бабки! Бабы! Баня! (*Заплакал.*) Используют мою машину как гнездо разврата. Вроде приличные люди, а только за город выдут – тут же водка, девицы, пьянство, такая распуста, мама моя милая!!! Что они только не вытворяют! И, как потом оказывается, все за казенный счет. Сегодня честный, истинный партиец, а как только за город выехал – жулик, ворюга, растратчик! Их судят, а меня как свидетеля привлекают всякий раз. Утомился! Утомился показания давать! Я хочу честно заниматься частным извозом. Жить по правде. А в этом городе все снизу доверху все – жу-ли-ки! Куда пойти, куда податься?

БЕНДЕР. Все ваши беды происходят оттого, что вы правдоискатель. Вы просто ягненок, неудавшийся баптист. Печально наблюдать в среде шоферов такие упаднические настроения. У вас есть автомобиль – и вы не знаете куда пойти, куда податься. У нас дела похуже – у нас автомобиля нет. Но мы знаем, куда ехать. Хотите, поедем вместе?

КОЗЛЕВИЧ. Куда?

БЕНДЕР. В Черноморск. У нас там небольшое интимное дело. И вам работа найдется. Поедем.

КОЗЛЕВИЧ. Не знаю, не знаю...

БЕНДЕР. В Арбатове вам терять нечего кроме запасных цепей. По дороге голодать не будем. Это я беру на себя. Бензин ваш – идеи наши.

КОЗЛЕВИЧ. Бензину мало.

БЕНДЕР. На пятьдесят километров хватит?

КОЗЛЕВИЧ. Хватит на восемьдесят.

БЕНДЕР. В таком случае все в порядке. Ровно через шестьдесят километров вас будет поджидать большая бочка с авиационным бензином. Вам нравится авиационный бензин?

КОЗЛЕВИЧ (*застенчиво*). Нравится...

БЕНДЕР. И эту бочку вы получите совершенно бесплатно. Скажу более. Вас будут просить, что бы вы приняли этот бензин.

ШУРА (*шепотом*). Какой бензин? Что вы плетете?

БЕНДЕР. Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте. Вас я оставляю жить только потому, что надеюсь вас перевоспитать. (*Торжественно.*) Объявляю большой скоростной пробег Арбатов–Черноморск открытым! Командиром пробега назначаю себя. Водителем машины назначается... Как ваша фамилия?

КОЗЛЕВИЧ. Козлевич... Адам Козлевич!

БЕНДЕР. Водителем машины назначается Адам Козлевич! Гражданин Балаганов утверждает бортмехаником с возложением на него обязанностей прислуги за все. Только вот что Козлевич: плакат «Эх, прокачу!» надо немедленно снять. Нам не нужны особые приметы.

КОЗЛЕВИЧ послушно снимает свой рекламный плакат.

БЕНДЕР достает из саквояжа кумачовую растяжку.

Шура, прикрепите, пожалуйста. Над машиной.

БАЛАГАНОВ поспешно разворачивает над машиной КОЗЛЕВИЧА транспарант, который гласил:

*«Ударим автопробегом по бездорожью,
по разгильдяйству и бюрократизму!»*

БЕНДЕР. Адам! Как зовут вашу тележку?

КОЗЛЕВИЧ. «Лорен-Дитрих».

БЕНДЕР. Ну, что это за название? Машина, как военный корабль, должен иметь собственное имя. Ваш «Лорен-Дитрих» отличается замечательной скоростью и благородной красотой линий. Посему предлагаю присвоить машине название – «Антилопа-Гну». Кто против? Единогласно.

ШУРА (*тупо*). Вы это... объясните...

БЕНДЕР. Шура, почему вы не читаете газет? Их нужно читать. Они довольно часто сеют разумное, доброе, вечное. (*Достает из кармана газету, читает.*) «Сегодня начался автопробег Москва–Арбатов–Харьков–Арбатов–Москва, в котором принимают участие видные деятели науки и культуры Союза СССР». Сейчас головная машина автопробега находится в полуторостах километрах от города Арбатова. Полагаю, что вы уже догадались, о чем я говорю?

ШУРА. Не-а...

БЕНДЕР. Как видно в некоторых случаях не помогает даже чтение газет. Ну, хорошо, выскажусь более подробно: мы пойдем по маршруту автопробега. Нас будут принимать за головную машину. Мы не отказываемся от этого звания, более того – мы будем обращаться ко всем учреждениям и лицам с просьбой оказать нам надлежащее содействие, напирая именно на то, что мы головная машина. Совершенно ясно, что некоторое время мы продержимся впереди автопробега, снимая пенки, сливки и тому подобную сметану с этого высококультурного начинания. Теперь понятно?

ШУРА. Ура-а-а!

КОЗЛЕВИЧ. Ура-а-а!

БЕНДЕР. По машина-а-ам!

Усаживаются. КОЗЛЕВИЧ заводит мотор.

Прибегает ошципанный ПАНИКОВСКИЙ.

ПАНИКОВСКИЙ. Возьмите меня! Спасите меня!

ШУРА. Бог подаст.

ПАНИКОВСКИЙ. Возьмите меня! Я хороший.

БЕНДЕР. Может возьмем гада?

ШУРА. Не надо. Пусть в другой раз знает, как нарушать конвенции.

БЕНДЕР. Влезайте! Черт с вами! Но больше не грешите, а то вырву руки с корнем.

ПАНИКОВСКИЙ нырнул в салон «Антилопы». БЕНДЕР забомбил торжественную речь, обращаясь неизвестно к кому.

Товарищи! Автомобиль не роскошь, а средство передвижения! Железный конь идет на смену крестьянской лошадке. Наладим серийное производство советских автомашин. Ударим автопробегом по бездорожью, по разгильдяйству и по бюрократизму! Полный ход!

«Антилопа» заскрипела всеми своими частями и укатила прочь. Тут же появился Председатель исполкома с измученным хором.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Встали! Встали, я сказал! По голосам! На смотре выступаем двести сорок шестыми! И на открытом воздухе. Это еще более ответственно, чем в Кремлевском дворце! Нас вся Москва услышит! Отныне репетируем только на воздухе! В поле! Распределяйтесь! Посыл должен быть другим! Нас вся Москва должна услышать и замереть. Внимание! Начали! И-и-и...

(Поет.)

Всю-то вселенную прое-е-ехал,
Нигде я милой не наше-ел,
Я-а в Россею возвратился,
Сердцу слышится привет.

ХОР

Я-а в Россею возвратился,
Сердцу слышится привет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Где ж ты, Светик, дорога-ая,
Сердцу весточку подай,

Где ж вы очи голубья,
Где ж ты прежняя любовь.

ХОР

Где ж вы очи голубы-ы-е,
Где ж ты прежняя любовь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Ты-ы заслышь мой голосо-очек,
Ра-азлюбезная моя!
За твои за глазки голубы-ые
Всю вселенную отда-ам.

ХОР

За твои за глазки голубы-ые
Всю вселенную отда-ам!

Затемнение.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Черноморск. Большая терраса учреждения «Геркулес». Кумачовые транспаранты призывают «Выше уровень художественной самодеятельности в социалистическом искусстве! «Да здравствует всесоюзный смотр!» Весь коллектив «Геркулеса» в хоре! Дирижирует ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Солирует КОРЕЙКО.

КОРЕЙКО (*поет*)

Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой?
Ужели меня ты не любишь?
Не любишь? Так Бог же с тобой.

ХОР

Ужели меня ты не любишь?
Не любишь? Так Бог же с тобой...

*Появляется наша компания. БЕНДЕР, БАЛАГАНОВ,
КОЗЛЕВИЧ и ПАНИКОВСКИЙ.*

БЕНДЕР. Вы, вероятно, заметили, друзья мои, что все города, через которые мы проехали, поют. Все готовятся к смотру художественной самодеятельности. Какой мы культурный народ!

КОРЕЙКО (*поет*)

Зачем ты меня завлекала?
Зачем заставляла любить?
Ужели сама ты не знала,
Как тяжело страдать и любить.

ХОРА

Ужели сама ты не знала,
Как тяжело страдать и любить...

БЕНДЕР. С поющим народом ничего нельзя сделать! Он непобедим!

КОРЕЙКО (*поет*).

Меня не полюбит другая,
Я буду мечтать об одной,
Поверь же, моя дорогая,
Навек я увлекся тобой.

ХОР

Поверь же моя дорогая,
Навек я увлекся тобой...

Вступили народные инструменты. Долгий проигрыш.

БЕНДЕР (к Балаганову). Он здесь?

ШУРА. Да вот.

БЕНДЕР. Спокойствие! Я угадаю сам. Который из хора?

КОРЕЙКО (поет)

Зачем ты, безумная, губишь?

Того, кто увлекся тобой.

БЕНДЕР. Девушки не в счет.

КОРЕЙКО (поет)

Ужели меня ты не любишь

БЕНДЕР. Мужчин здесь нет. Одни подхалимы.

КОРЕЙКО (поет)

Не любишь? Так Бог же с тобой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо!

БЕНДЕР. И дирижер подхалим!

ХОР

Ужели меня ты не любишь?

Не любишь? Так Бог же с тобой.

БЕНДЕР. Знаете, бортмеханик, запевала подходит на роль подпольного миллионера. Солист! Барбос! Его толстая харя является не чем иным, как демократической комбинацией из лиц Шейлока, Скупого рыцаря и Горпогона... Он?

ШУРА (радостно). Он!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо! Честное слово, хорошо! Товарищ Корейко! Позвольте вам выразить особую благодарность! (Жмет руку Корейко.) Глубоко, проникновенно, трогательно! Я уверен, что наш коллектив получит высокую оценку на предстоящем всесоюзном смотре худ.самодеятельности! Спасибо товарищи! Спасибо! Товарищ Корейко! Зайдите, пожалуйста, после репетиции, ко мне. Всем спасибо! Завтра в это же время!

Все расходятся. БЕНДЕР что-то шепнул на ухо ПАНИКОВСКОМУ.

ПАНИКОВСКИЙ (подбегает к Корейко). Дай миллион! Дай миллион! Дай миллион...

КОРЕЙКО (сквозь зубы тяжело и тихо). Пошел прочь, уррод! (Уходит.)

БЕНДЕР (после некоторого молчания). Да-а-а... Этот на тарелочке не принесет. Разве только я очень уж попрошу. Объект, достойный уважения. Ну и отнесемся же к нему со всем уважением. Сегодня вечером мы с Божьей помощью впервые потрогаем господина Корейко за вымя. Трогать будете вы, Шура.

Затемнение.

**ПАНИКОВСКИЙ и БАЛАГАНОВ на зеленой скамейке
в городском саду. Где-то упорно готовятся к всесоюзному
смотру художественной самодеятельности. Поют.**

Бывали дни веселые
Гулял я молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.
Бывало вспашешь пашеньку,
Лошадок уберешь,
А сам тропой знакомую
В заветный дом войдешь.
Она уже дожидается,
Красавица меня,
Глаза полуоткрытые,
Румяна и бела.
Однажды в конце осени,
Пришел любви конец
И к ней приезжий с ярмарки
Присватался купец...
Тогда она красавица
Забыла про меня,
Оставила, покинула,
В хоромы жить пошла.
В глазах мне помутилась,
Что делать я не знал
И от тоски-кручинушки
Топор я в руки взял.
Теперь в Сибирь на каторгу
Погонят молодца,
За девку ясноглазую,
За черту за купца.

*Мимо скамейки проходят ЗОСЯ СИНИЦКАЯ под ручку с КОРЕЙКО.
ШУРА и ПАНИКОВСКИЙ прячутся за газеты.*

ЗОСЯ. Вы очень хорошо поете в хоре, Александр Иванович...

КОРЕЙКО. Да будет вам...

ЗОСЯ. Правда, правда! Я вчера слушала репетицию! У вас такой голос!

КОРЕЙКО. Да уж...

ЗОСЯ. Вы чем-то озабочены?

КОРЕЙКО. Чертовщина какая-то... Сегодня получаю телеграмму. Вот.

ЗОСЯ (*читает*). «Графиня изменившимся лицом бежит пруду». Какая графиня?

КОРЕЙКО. Если бы я знал!

ЗОСЯ. Может быть, это не вам (*читает*). Малая Касательная, 16 А.Корейко.
Нет, вам.

КОРЕЙКО. Потом еще одну приносят.

ЗОСЯ (*читает*) «Заседание продолжается, зпт. Миллион поцелуев». Какое заседание?

КОРЕЙКО. Не знаю. Потом еще.

ЗОСЯ (*читает*). «Грузите апельсины бочках братья Карамазовы». Это Достоевского Карамазовы?

КОРЕЙКО. Не знаю! А вот еще.

ЗОСЯ (*читает*). «Лед тронулся тчк командовать парадом буду я». Ничего не понимаю!

КОРЕЙКО. И я не понимаю! Просто свинство какое-то!

ЗОСЯ. Может, это ваши друзья пошутили?

КОРЕЙКО. Нету у меня друзей! А сослуживцы на такие деньги шутить не будут! Мистика! Какая-то...

ЗОСЯ. Да не волнуйтесь вы так, все разъяснится...

ЗОСЯ погладила КОРЕЙКО по рукаву рубашки.

КОРЕЙКО. Да, такие-то дела, Зося Викторовна, живешь так в одиночестве, не зная наслаждений...

ЗОСЯ. Чего, чего не зная?

КОРЕЙКО. Не зная женской привязанности. Я уже стар. То есть не то, чтобы стар, но не молод. И даже не то, чтоб не молод, а просто время идет, годы проходят. Идут года и вот это движение времени навеивает на меня разные мысли. О браке, например. Вы не думайте, что я какой-то такой. Я хороший в общем. И мне даже кажется, что меня можно любить.

ЗОСЯ. Конечно.

КОРЕЙКО. Тогда почему бы одной девушке не пойти за него замуж?

ЗОСЯ (*уходя от разговора*). В кино хочется, орехов хочется, мороженого хочется...

КОРЕЙКО. Зарплату задерживают... Выплачивают крайне неаккуратно... Так вот, почему бы одной девушке...

ЗОСЯ. Я все понимаю. Время действительно идет очень быстро. Еще так недавно мне было девятнадцать, а сейчас уже двадцать. А еще через год будет двадцать один. И, клянусь, я никогда не считала, что вы, Александр Иванович, какой-то такой. Напротив, я всегда была уверена, что вы хороший. Лучше многих. И достойны всего. Но у меня именно сейчас какие-то искания, какие – я еще и сама не знаю. В общем... В общем я в данный момент выйти замуж не могу. Да и какая жизнь у нас может выйти? У меня искания. А у вас, если говорить честно и откровенно, всего лишь сорок шесть рублей в месяц...

КОРЕЙКО. Какие там сорок шесть рублей! У меня... если хотите знать... Мне... (*Испуганно осмотрелся по сторонам и перешел на шепот.*) И не в деньгах счастье, Зося Викторовна...

ЗОСЯ. А в их количестве, правда? (*Смеется.*)

КОРЕЙКО мрачно молчит.

Давайте покамест будем просто дружить. Мы все-таки будем дружить. Правда?

КОРЕЙКО. Было бы лучше, если бы вышли за меня замуж.

ЗОСЯ (*протягивает руку*). Мир, дружба?

КОРЕЙКО (*буркнул*). Мир, дружба.

ЗОСЯ. А сейчас извините, Александр Иванович... Мне надо бежать. У меня контрамарка в кино. К сожалению, одна... Прощайте! (*Убегает.*)

КОРЕЙКО (*тоскливо и злобно*). Проклятая страна! Страна, в которой миллионер не может повести свою невесту в кино! Разве это жизнь? Пятилетку в четыре года! Пятилетку в три года! Хамская власть! Ничего, ничего! Я буду жить на сорок шесть рублей в месяц, я не позволю себя обнаружить! Я дождусь капитализма! (*Уходит.*)

Дети лейтенанта Шмидта высунули свои рожи из-за газет.

ПАНИКОВСКИЙ. Итак, Шура, что нам поручено?

ШУРА. Первое. Случайно встретиться с гражданином Корейко на улице.

ПАНИКОВСКИЙ. Уже выполнено. Дальше.

ШУРА. Второе. Не бить его не под каким видом и вообще не применять физического воздействия.

ПАНИКОВСКИЙ. Дальше.

ШУРА. Отобрать все, что будет обнаружено в карманах поименованного гражданина.

ПАНИКОВСКИЙ. Только кража.

ШУРА. Только ограбление.

ПАНИКОВСКИЙ. Вы жалкая, ничтожная личность.

ШУРА. А вы калека. Сейчас начальник я.

ПАНИКОВСКИЙ. Кто начальник?

ШУРА. Я начальник. Мне поручено.

ПАНИКОВСКИЙ. Вам?

ШУРА. Мне.

ПАНИКОВСКИЙ. Тебе?

ШУРА. А кому же еще? Уж не тебе ли?

ПАНИКОВСКИЙ. А ты кто такой?

ШУРА. А ты кто такой? Старший я!

ПАНИКОВСКИЙ. Ты? Старший? (*После паузы.*) Пусть будет так, кто против.

Пауза.

ШУРА. Почему бы не ограбить? Разве так трудно! Корейко вечером идет по улице. Темно. Я подхожу с левой руки. Вы подходите справа. Я толкаю его в левый бок, вы толкаете в правый. Этот дурак останавливается и говорит: «Хулиган!» Мне. «Кто хулиган?» – спрашиваю я и даю ему морд... Нет, бить нельзя!

ПАНИКОВСКИЙ. В том-то и дело, что бить нельзя. Бендер не позволяет.

ШУРА. Да я сам знаю... В общем, я хватаю его за руки, а вы смотрите, нет ли у него в карманах чего лишнего. Он, как водится, кричит «милиция», и тут я его... Ах ты, черт возьми, нельзя бить. В общем, мы уходим домой. Ну, как план?

ПАНИКОВСКИЙ. Поезжайте в Киев!

ШУРА. Какой там Киев! Почему?

ПАНИКОВСКИЙ. Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции. Обязательно спросите! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым. И что меня кормило? Синие очки и палочка. *(Достает из кармана футляр с очками.)* Вот этими очками, я кормился много лет. Я выходил в очках и с палочкой на Крещатик и просил какого-нибудь господина почище помочь бедному слепому перейти улицу. Он гуманно помогал. На другом тротуаре у него уже не хватало часов или бумажника. А иногда и того и другого.

ШУРА. Почему же вы бросили это дело?

ПАНИКОВСКИЙ. Революция! Раньше я платил городовому на углу Крещатика и Прорезной пять рублей в месяц и меня никто не трогал. Городовой следил даже, чтобы меня не обижали. Хороший был человек! Фамилия ему была Небаба, Семен Васильевич. Я его недавно встретил, он теперь музыкальный критик. А сейчас? В какой грустной стране мы живем! С каким милиционером сейчас можно договориться за пять рублей? И вот Балаганов, на старости лет пришлось сделаться аферистом. Пойти в дети лейтенанта Шмидта. Но для такого экстренного дела можно пустить в ход мои старые очки. Это гораздо вернее ограбления. *(Глянул.)* Возвращается! Шура, честное благородное слово, он возвращается!

БАЛАГАНОВ прячется. ПАНИКОВСКИЙ надевает очки, хватая палочку. Здрава подбородок в небо, и, мелко постукивая палочкой перед собой, идет навстречу КОРЕЙКО.

Граждане! Соотечественники! Переведите, пожалуйста, участника Цусимской битвы и инвалида Первой мировой, зрения лишенного при защите Отечества... переведите меня, пожалуйста, через дорогу.

КОРЕЙКО хотел обойти «слепого», но ПАНИКОВСКИЙ оказался опять перед ним. КОРЕЙКО неожиданно делает резкое движение перед очками «слепого». ПАНИКОВСКИЙ отпрянул.

ПАНИКОВСКИЙ *(сдернул синие очки).* Вы что, с ума сошли?

КОРЕЙКО. Так ты зрячий?

ПАНИКОВСКИЙ. Зрячий.

КОРЕЙКО. В следующий раз будешь слепой. *(Ушел.)*

ПАНИКОВСКИЙ. Бе-зо-бра-зие! Честное благородное слово, безобразие! Шура! Как упали нравы! Куда мы катимся! Где гуманизм? Сострадание? Человечность! Инвалид! Инвалид по зрению, защитник Отечества просит всего лишь перевести его на другую сторону улицы и что... Что он получает? Хамство! Черствость! Цинизм!

ШУРА. К Бендеру! Пошли к Бендеру!

Затемнение.

**БЕНДЕР и КОЗЛЕВИЧ перед капотом «Антилопы» пьют чай.
Перед ними навьтяжку стоят ПАНИКОВСКИЙ и БАЛАГАНОВ.**

БЕНДЕР. Бездарный старик! Неталантливый сумасшедший! Еще один великий слепой выискался – Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания! А Балаганов? Тоже – матрос с разбитого корабля.

ПАНИКОВСКИЙ. Остап Ибрагимович! Естественно, часть ответственности за срыв операции не могу не взять на себя, но, понимаете, Балаганов не проявил никакой инициативы. Никакой активности! Просто стоял! Стоял и прятался! Жалкая, ничтожная личность.

ШУРА. А ты кто такой?

ПАНИКОВСКИЙ. А ты кто такой?

Дерутся.

БЕНДЕР. Брек! Боксировать будете по выходным дням. Прелестная пара: Балаганов в весе петуха, Паниковский в весе курицы! Однако, господа чемпионы, работники из вас – как из собачьего хвоста сито. Это кончится плохо. Я вас уволю.

ШУРА. Командор!

ПАНИКОВСКИЙ. Остап Ибрагимович! Не делайте поспешных выводов! Честное, благородное слово. Сегодня же к вечеру гражданин Корейко будет обыскан и обыскан с пристрастием.

ШУРА. Вот увидите. Нападение на улице. Под покровом ночной темноты. Верно, Михаил Самуэлевич?

ПАНИКОВСКИЙ. Честное, благородное слово. Мы с Шурой... не беспокойтесь! Вы имеете дело с Паниковским.

БЕНДЕР. Это меня и печалит. Хотя, пожалуйста... Как вы говорите? Под покровом ночной темноты? Устраивайтесь под покровом. Мысль, конечно, жиденькая. Да и оформление тоже, вероятно, будет убогое.

ПАНИКОВСКИЙ. Остап Ибрагимович!

ШУРА. Командор!

Затемнение.

Берег моря. КОРЕЙКО и ЗОСЯ СИНИЦКАЯ гуляют.

За ними следуют ШУРА и ПАНИКОВСКИЙ.

**Где-то и поздним вечером готовятся к всесоюзному
смотру художественной самодеятельности. Поют.**

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша,
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа.
Полюбил я ее,
Полюбил горячо,
Но она на любовь
Смотрит так холодно.
И с постылым назло,
С ним пошла под венец,
С ним пошла под венец,
Моей жизни конец.

Не видала она,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал.
Звуки вальса неслись,
Веселился весь дом,
Я в комнату свою
Пробирался тайком.
Я в комнату свою,
Пробирался тайком
И в комнате сидел,
Все я думал о ней.

ПАНИКОВСКИЙ (*жалобно Шуре*). Я устал. Я старый. Мне трудно. Сколько они еще будут ходить?

ШУРА. Вперед!

ЗОСЯ. Как тепло! Вы не купаетесь ночью, Александр Иванович? Ну, тогда подождите здесь. Я только окунусь – и назад.

Убегает. КОРЕЙКО остался один.

ШУРА. Скорей! Значит, я захожу с левой стороны, а вы – справа. Только живее!

ПАНИКОВСКИЙ (*трусливо*). Я – слева...

ШУРА. Хорошо, хорошо, вы – слева. Я толкаю его в левый бок, нет, в правый, а вы жмете слева.

ПАНИКОВСКИЙ (*трусливо*). Почему слева?

ШУРА. Вот еще! Ну, справа. Он говорит: «Хулиган», а вы отвечаете: «Кто хулиган?»

ПАНИКОВСКИЙ. Нет, вы первый отвечаете.

ШУРА. Хорошо. Все Бендеру скажу. Пошли, пошли. Значит, вы слева.

Подшли сзади к КОРЕЙКО. Пауза.

ПАНИКОВСКИЙ (*шепотом*). Ну!!!

ШУРА. Позвольте прикурить.

КОРЕЙКО. Я не курю.

ШУРА. Та-ак... А который час, вы не знаете?

КОРЕЙКО. Часов двенадцать.

ШУРА. Двенадцать. Гм... Понятия не имел.

ПАНИКОВСКИЙ. Теплый вечер...

ШУРА. Да-а-а...

Пауза. Долгая пауза. Совсем долгая пауза.

ПАНИКОВСКИЙ (*не выдержал*). Руки вверх!!!

КОРЕЙКО (*спокойно*). Что?

ПАНИКОВСКИЙ (*упавшим голосом*). Руки вверх...

КОРЕЙКО ударил ПАНИКОВСКОГО. Тот упал на землю.

ШУРА сцепился с КОРЕЙКО.

ШУРА. Что же... Что же вы меня бьете? Я же только спросил, который час!

КОРЕЙКО (*нанося удары*). Я тебе покажу, сукин сын, который час! Я тебе! Покажу!

Дерутся. ПАНИКОВСКИЙ ухитрился во время свалки запустить свои руки в карманы брюк КОРЕЙКО и вытащить из них железную коробочку.

ПАНИКОВСКИЙ. Бежим!

БАЛАГАНОВ получил еще один удар и бросился вслед за ПАНИКОВСКИЙ, КОРЕЙКО ищет что-то на земле. Нашел. Прижал к груди.

КОРЕЙКО. Слава Богу!

ЗОСЯ (появляется). Что случилось, Александр Иванович?

КОРЕЙКО (показывая квитанцию). Случайно выронил.

Затемнение.

Гостиница. Поздний вечер. В холле репетиция. Все дежурные, горничные и уборщицы готовятся к всесоюзному смотру художественной самодеятельности. Поют.

БЕНДЕР появляется и слушает.

ПЕСНЯ

Когда б имел я златые горы,
И реки полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры
Лишь ты б владела мной одна.
Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.
Ах, я твою, голубка, руку
Просил я у него не раз,
Но он не понял моей муки
И дал жестокий мне отказ.
Тогда бежать я с ним решилась,
Поверив клятве роковой,
На Божий храм перекрестилась,
С слезой взглянув на дом родной.
Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил,
Забыл он клятву роковую,
А сам другую полюбил.
А мне сказал, стыдясь измены,
Ступай обратно в дом отца,
Оставь, Мария, мои стены
И проводил меня с крыльца.
За эти ласки огневые
Я награжу тебя конем.
Уздечка, хлыстик золотые,
Седельце шито жемчугом.
Не надо мне твоей уздечки,

Не надо мне твоего коня,
Ты пропил горы золотые
И реки полные вина.

БЕНДЕР. Нет, это не Рио-де-Жанейро... Это даже не гораздо хуже...

БЕНДЕР вошел в свой номер. По полу разбросаны измятые денежные купюры. БАЛАГАНОВ и ПАНИКОВСКИЙ катаются на ковре.

ШУРА. А ты кто такой?!

ПАНИКОВСКИЙ. Вы жалкая, ничтожная личность.

ШУРА. Калека!

ПАНИКОВСКИЙ. Плебей!

ШУРА. Что-о? Я? Плебей!

ПАНИКОВСКИЙ. А кто же вы еще?

ШУРА. А ты-ты... ты Агасфер!

ПАНИКОВСКИЙ. Я? Агасфер? Жалкая, ничтожная личность!

ШУРА. Калека!

ПАНИКОВСКИЙ. Плебей!

БЕНДЕР. Ну, довольно! Не стучите лысиной по паркету. Картина битвы мне ясна. Откуда деньги?

ШУРА. Мы их нашли...

ПАНИКОВСКИЙ. Экспроприировали!

ШУРА. Экспро... Нашли! В правом...

ПАНИКОВСКИЙ. В левом.

ШУРА. В левом кармане Корейко.

БЕНДЕР. И сколько там?

ШУРА. Десять тысяч рублей.

БЕНДЕР. Ого! Маленький служащий запросто носит в кармане десять тысяч! Жалованье господина Корейко за двадцать лет беспорочной службы. Зрелище для богов. Но не помешал ли я вам? Вы делили деньги? Продолжайте, продолжайте, я посмотрю.

ШУРА. Я хотел честно. По справедливости. Всем – по две с половиной тысячи. *(Разделяет деньги на четыре части.)* Мне, вам, ему и Козлевичу.

БЕНДЕР. Очень хорошо. А теперь пусть разделит Паниковский, у него, как видно, имеется особое мнение.

ПАНИКОВСКИЙ. Имеется! Конечно, имеется! Еще бы у Паниковского не имелось особого мнения! *(Разделяет деньги на три части.)* Нам с вами по четыре тысячи – а Балаганову две. Он и на две не заработал.

ШУРА *(в гневе закрывая глаза).* А Козлевичу?!?!

ПАНИКОВСКИЙ. За что же Козлевичу? Это грабеж! Кто такой Козлевич, чтобы с ним делиться? Я не знаю никакого Козлевича.

БЕНДЕР. Все?

ПАНИКОВСКИЙ. Все. Какой может быть в этот момент Козлевич?

БЕНДЕР. А теперь буду делить я!

БЕНДЕР не спеша, собрал бумажки, сложил их в железную коробочку, а железную коробочку засунул в карман собственных брюк.

Все эти деньги будут сейчас же возвращены потерпевшему, гражданину Корейко. Вам нравится такой способ дележки?

ПАНИКОВСКИЙ (*упавшим голосом*). Нет, не нравится.

ШУРА. Бросьте шутить, Бендер... Надо разделить по справедливости.

БЕНДЕР. Этого не будет. И вообще в этот полночный час я с вами шутить не собираюсь.

Пауза.

ШУРА. Зачем же мы работали? Так нельзя. Это... объясните.

БЕНДЕР. Вам, любимому сыну лейтенанта, я могу повторить только то, что я говорил в Арбатове. Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, я идейный борец за денежные знаки. В мои четыреста честных способов отъема денег ограбление не входит. И потом, мы прибыли сюда не за десятью тысячами. Этих тысяч мне лично нужно, по крайней мере, пятьсот.

ШУРА. Зачем же вы послали нас? Мы старались...

БЕНДЕР. Вы хотите спросить, известно ли достопочтимому командору, с какой целью он предпринял последнюю операцию? Да, известно... Дело в том...

ПАНИКОВСКИЙ (*взбунтовался и бросился на Бендера*). А ты кто такой?!?!

БЕНДЕР (*ударом кулака возвратил Паниковского на место и продолжал*). Дело в том, Шура, что это была проверка. У служащего с сорокарублевым жалованьем оказалось в кармане десять тысяч рублей. Я возвращу Корейко эти десять тысяч, и он их возьмет. И тут-то ему придет конец. Его погубит жадность. И едва он сознается в своем богатстве, я возьму его голыми руками. Как человек умный, он поймет, что часть меньше целого, и отдаст мне эту часть из опасения потерять все. И тут, Шура, на сцену явится некая тарелочка с каемкой...

ШУРА (*восторженно*). Правильно!

ПАНИКОВСКИЙ (*плачет*). Отдайте мне мои деньги! Я совсем бедный! Я год не был в бане! Я старый. Меня девушки не любят! Меня никто не любит...

Затемнение.

Квартира КОРЕЙКО. Утро. Подпольный миллионер тренируется с гириями и одновременно готовится к всесоюзному смотру художественной самодеятельности.

Распеваётся.

КОРЕЙКО (*выталкивая гирию*)

Зачем ты, безумная губишь?

Того, кто увлекся тобой.

Ужели меня ты не любишь?

Не любишь? Так Бог же с тобой!

Стук в дверь.

КОРЕЙКО. Войдите!

Входит БЕНДЕР в милицейской фуражке.

Показывает издали какие-то красные корочки.

БЕНДЕР. Гражданин Корейко?

КОРЕЙКО. Я.

БЕНДЕР. Александр Иванович?

КОРЕЙКО. Точно так.

БЕНДЕР. А ведь я к вам с поручением.

КОРЕЙКО. Пожалуйста, пожалуйста...

БЕНДЕР. Хотим вас обрадовать.

КОРЕЙКО. Любопытно будет узнать.

БЕНДЕР достал железную коробку, вынул из нее деньги, стал их пересчитывать.

БЕНДЕР. Ровно десять тысяч. Потрудитесь написать расписку в получении.

КОРЕЙКО. Вы ошиблись, товарищ. Какие десять тысяч? Какая расписка?

БЕНДЕР. Как какая? Ведь вас ограбили?

КОРЕЙКО. Никто меня не грабил.

БЕНДЕР. Да как же не грабили? Вчера у моря. И забрали десять тысяч. Грабители арестованы. Пишите расписку.

КОРЕЙКО. Да, ей-богу же, меня никто не грабил! Тут явная ошибка!

БЕНДЕР. Да возьмите же деньги!

КОРЕЙКО. Зачем мне чужие деньги?

БЕНДЕР. Грабители дают показания!

КОРЕЙКО. Ну и пускай дают!

БЕНДЕР. Это ваши деньги!

КОРЕЙКО. Не мои это деньги! Вы что?

Пауза.

БЕНДЕР. Значит, вас никто не грабил?

КОРЕЙКО. Никто меня не грабил.

БЕНДЕР. И, десять тысяч у вас не брали?

КОРЕЙКО. Конечно, не брали. Ну, как вы думаете, откуда у меня может быть столько денег?

БЕНДЕР. Верно, верно... Откуда у мелкого служащего такая уйма денег?.. Значит, у вас все в порядке?

КОРЕЙКО. Все!

БЕНДЕР. И желудок в порядке?

КОРЕЙКО. В полнейшем.

БЕНДЕР. И тяжелые сны вас не мучат?

КОРЕЙКО. Нет, не мучат.

БЕНДЕР. Ну, прощайте...

КОРЕЙКО. Рад был... Фуражечку милицейскую не забудьте.

БЕНДЕР. Не ешьте на ночь сырых помидоров, чтоб не принести вреда желудку.

КОРЕЙКО. Всего хорошего.

БЕНДЕР. До свидания.

КОРЕЙКО. До свидания.

БЕНДЕР. Интересный вы человек! Все у вас в порядке. Удивительно, с таким счастьем – и на свободе.

КОРЕЙКО. Будьте здоровы!

БЕНДЕР. Адье.

*И ОСТАП БЕНДЕР остался перед закрытой дверью. И в дураках.
А эта подпольная финансовая сволочь еще и запела,
поднимая свои двухпудовые гири.*

КОРЕЙКО (поет из-за закрытых дверей)

Зачем ты меня завлекала?

Зачем заставляла любить?

Ужели сама ты не знала?

Как тяжело страдать и любить...

БЕНДЕР. Та-а-ак! Взять крепость неожиданной атакой не удалось. Придется начать правильную осаду. Самое главное установлено. Деньги у подзащитного есть. И, судя по тому, что он, не моргнув, отказался от десяти тысяч – деньги огромные. Итак, ввиду недоговоренности сторон, заседание продолжается!

Затемнение.

**Буфет. За столиком БАЛАГАНОВ с кружкой пива и
ПАНИКОВСКИЙ со стаканом кефира. Отдыхают.**

ПАНИКОВСКИЙ. Хороший город Черноморск! Кефир хорошо помогает от сердца.

ШУРА. А то!

ПАНИКОВСКИЙ. Знаете, Шура, я как-то перестал доверять Бендеру. Он что-то не то делает.

ШУРА. Ну, ну! Тебя не спросили.

ПАНИКОВСКИЙ. Нет, серьезно. Я очень уважаю Остапа Ибрагимовича, это такой человек! Даже Козлевич, – вы знаете, как я уважаю Козлевича, сказал про Бендера, что это – голова! Но я вам скажу, Шура: Козлевич – осел! Ей-богу, это такой дурак. Просто жалкая ничтожная личность! А против Бендера я ничего не возражаю. Но мне кое-что не нравится. Вам, Шура, я все скажу как родному.

ШУРА. Но, но... Вы не очень то.

ПАНИКОВСКИЙ. Вы знаете, Шура, я очень уважаю Бендера, но я вам должен сказать: Бендер – осел! Ей-богу, жалкая, ничтожная личность!

ШУРА. Но, но!

ПАНИКОВСКИЙ. При чем тут – но, но? Вы только подумайте, на что он тратит наши деньги? Вы только вспомните! Сколько расходов! Зачем все это? Он говорит для сбора компромата! Плевал я на компромат, если он стоит таких денег!

ШУРА. Но, но!

ПАНИКОВСКИЙ. Что – но, но? Мы с вами получаем копейки, а он купается в роскоши. И зачем, спрашиваю я, он ездил на Кавказ?

ШУРА. В командировку. За компроматом.

ПАНИКОВСКИЙ. Не верю! Паниковский не обязан всему верить! Он разговаривает по междугородному телефону, рассылает по всему свету телеграммы-молнии.

ШУРА. Это самое... это надо!

ПАНИКОВСКИЙ. Вы знаете, сколько стоит молния? Сорок копеек слово. А я принужден отказывать себе в кефире, который нужен мне для здоровья. Я старый, больной человек. Скажу вам прямо: Бендер не голова!

ШУРА. Вы все-таки не очень-то. Ведь Бендер сделал из вас человека. Вы теперь член общества.

ПАНИКОВСКИЙ. Я не хочу быть членом общества! Ваш Бендер – идиот. Затеял эти дурацкие розыски, когда деньги можно сегодня же взять голыми руками.

ШУРА. Как?

ПАНИКОВСКИЙ (*шепотом*). Я тайно проник в комнату Корейко и обнаружил там...

ШУРА. Деньги?!

ПАНИКОВСКИЙ. Какие деньги? Никаких денег я там не нашел. Я обнаружил там две! Очень! Большие! Гири! Пуда по полтора каждая.

ШУРА. И что?

ПАНИКОВСКИЙ. И все! Вам, Шура, я скажу как родному. Я раскрыл секрет этих гири.

ШУРА. Какой же может быть секрет? Обыкновенные гири для гимнастики.

ПАНИКОВСКИЙ. Вы знаете, Шура, как я вас уважаю, но вы осел. Это золотые гири! Понимаете? Гири из чистого золота! Каждая гиря по полтора пуда! Три пуда чистого золота! Это я сразу понял, меня прямо как ударило. Я стоял над этими гирями и бешено хохотал. Какой подлец этот Корейко! Отлил себе золотые гири, покрасил их в черный цвет и думает, что никто не узнает. Вам, Шура, я скажу как родному, – разве я рассказал бы вам этот секрет, если бы мог унести гири один? Но я старый, больной человек, а гири тяжелые. И я вас приглашаю как родного. Я не Бендер. Я честный!

ШУРА. А вдруг они не золотые?

ПАНИКОВСКИЙ. А какие ж они по-вашему?

ШУРА. Да-а, теперь мне все ясно. Смотрите, пожалуйста, старик – и все раскрыл! А Бендер действительно что-то не то делает: пишет бумажки, ездит...

ПАНИКОВСКИЙ. Желтую папку купил! Дело на Корейко завел... Жалкая, ничтожная личность!

ШУРА. Мы ему все-таки дадим часть по справедливости, а?

ПАНИКОВСКИЙ. С какой стати? Все нам! Теперь мы будем замечательно жить, Шура. Я вставлю себе золотые зубы и женюсь, ей-богу женюсь! Честное благородное слово! Заплатите за кефир, Шура. Потом сочтемся.

Ночь. Квартира КОРЕЙКО. Хозяин неподвижно сидит на кровати.

БЕНДЕР с желтой папкой под мышкой расхаживает взад вперед.

БЕНДЕР. Я умираю от скуки. Мы с вами беседуем только два часа, а вы уже надоели мне так, будто я знал вас всю жизнь. С таким строптивым характером хорошо быть миллионером в Америке. У нас миллионер должен быть более покладистым.

КОРЕЙКО. Вы сумасшедший!

БЕНДЕР. Не оскорбляйте меня. Я сын турецко-подданного и, следовательно, потомок янычаров. Я вас не пощажу, если вы будете меня обижать. Янычары

не знают жалости ни к женщинам, ни к детям, ни к подпольным советским миллионерам.

КОРЕЙКО. Уходите, гражданин! Уже третий час ночи, я хочу спать, мне рано на службу идти.

БЕНДЕР. Верно, верно, я и забыл! Вам нельзя опаздывать на службу. Могут уволить без выходного пособия. Все-таки двухнедельный оклад – двадцать три рубля! При вашей экономии можно прожить полгода.

КОРЕЙКО. Не ваше дело. Оставьте меня в покое. Слышите? Убирайтесь!

БЕНДЕР. Но эта экономия вас погубит. Вам, конечно, небезопасно показать свои миллионы. Однако вы чересчур стараетесь. Воздержание – вещь опасная! Знакомая мне учительница французского языка Эрнесина Иосифовна Пуанкаре никогда в жизни не пила вина. И что же. На одной вечеринке ее угостили рюмкой коньяка. Это ей так понравилось, что одна выпила целую бутылку и тут же, за ужином, сошла с ума. Тоже может произойти и с вами.

КОРЕЙКО. Чего вы, черт возьми, хотите от меня?

БЕНДЕР. Любви. Я добиваюсь от вас любви. Я хочу, чтобы вы, гражданин Корейко, меня полюбили и в знак расположения выдали мне один миллион рублей.

КОРЕЙКО. Вон!

БЕНДЕР. Ну вот, опять вы забыли, что я потомок янычаров.

КОРЕЙКО. Тысячу раз я вам повторял, что никаких миллионов у меня нет, и не было. Поняли? Поняли? Ну, и убирайтесь! Я на вас буду жаловаться.

БЕНДЕР. Жаловаться на меня вы никогда не будете. А уйти я могу, но не успею я выйти на вашу Малую касательную, как вы с плачем побежите за мной, и будете лизать мои янычарские пятки, умоляя вернуться.

КОРЕЙКО. Почему же это я буду вас умолять?

БЕНДЕР. Будете. Именно в этом сермяжная правда. *(Поднимает желтую папку над головой.)* Вот она!!! Только давайте условимся. Никаких эксцессов! Вы не должны меня душить, не должны выбрасываться из окна и, самое главное, не умирайте от удара. Погибнет плод длительного добросовестного труда. В общем, давайте потолкуем. Уже не секрет, что вы меня не любите. Вот папка весом в три-четыре кило. Она продается и стоит миллион рублей, тот самый миллион, который вы из жадности не хотите мне подарить. Купите!

КОРЕЙКО. Что за несчастье такое! То вы приходили ко мне с какими-то деньгами, теперь дело выдумали. Просто смешно.

БЕНДЕР. Ну что, состоится покупка? Цена невысокая. За кило замечательнейших сведений из области подземной коммерции беру всего по триста тысяч.

КОРЕЙКО *(протягивая руку к папке).* Какие там еще сведения!

БЕНДЕР *(вежливо отводя его руку).* Самые интересные. Сведения о вашей второй и главной жизни, которая решительно отличается от вашей первой, сорокашестирублевой. От десяти до четырех вы за советскую власть. Но, вот о вашей второй жизни от четырех до десяти, знаю я один. Вы учли ситуацию?

Затемнение

Рассвет. Берег моря. **ПАНИКОВСКИЙ** и **ШУРА БАЛАГАНОВ** пилят гири **КОРЕЙКО**. **ПАНИКОВСКИЙ** даже снял манишку.

ШУРА. Что такое! Три часа уже пилю, а оно все еще не золотое.

ПАНИКОВСКИЙ. Пилите, Шура, пилите!

ШУРА. Ну-с, попилим еще!

ПАНИКОВСКИЙ. Конечно, надо пилить!

*БАЛАГАНОВ допилит до конца,
и разнял гирю на две яблочные половины.*

ШУРА. Ничего не понимаю! Это не золото!

ПАНИКОВСКИЙ. Пилите, Шура, пилите!

БАЛАГАНОВ как бык попер на ПАНИКОВСКОГО.

ШУРА. Это не золото!

ПАНИКОВСКИЙ (*завизжал*). Не подходите! Не подходите ко мне с этим железом! Я все презираю!

ШУРА. Авантюрист!

ШУРА метнул обломок гири в ПАНИКОВСКОГО.

ПАНИКОВСКИЙ. Вы что? Вы с ума сошли. Она же тяжелая! Так же и убить можно!

ШУРА (*топчет манишку Паниковского*). Кто выдумал эти гири? Кто Бендера ругал? Кто выдумал эти гири? Кто Бендера ругал? Кто за кефир не заплатил. (*Награждает Паниковского тумачами.*) Вот тебе, гадюка! Вот тебе! Вот тебе!

ПАНИКОВСКИЙ. Вы мне ответите за манишку! Сейчас таких в продаже нет! Не трогайте мои деньги!

ШУРА. Ты у меня получишь! Все Бендеру скажу. Авантюрист!

Затемнение.

Квартира **КОРЕЙКО**.

БЕНДЕР (*нервно*). Нет, Александр Иванович, вы произошли не от обезьяны, как все граждане, а от коровы. Вы соображаете очень туго, совсем как парнокопытное млекопитающее. Итак, еще раз. У вас, по моим сведениям, миллионов семь-восемь. Папка продается за миллион. Если вы ее не купите, я сейчас же отнесу ее в другое место. Там мне за нее ничего не дадут, ни копейки. Но вы погибните.

КОРЕЙКО. Покажите дело.

БЕНДЕР. Не суетитесь. Командовать парадом буду я. В свое время вы были извещены об этом по телеграфу. Итак, приступим. Господа присяжные заседатели, Александр Иванович Корейко родился... Впрочем, счастливое детство можно опустить. В то голубенькое время Саша еще не занимался коммерческим грабежом. Дальше идет розовое отрочество. Пропустим еще страницу. А вот и юность, начало жизни. Здесь уже можно остановиться... И, вот господа, присяжные заседатели, с этой страницы пошли первые крупные

делишки моего подзащитного, как-то: торговля казенными медикаментами во время голода и тифа, похищение железнодорожного маршрута с продовольствием, шедшего в голодающее Поволжье и тэ дэ и тэ пэ. Посмотрите, на это лицо, господа присяжные заседатели!

БЕНДЕР указал на КОРЕЙКО пальцем, но тот перехватил его руку и стал ее выкручивать и ухватил БЕНДЕРА за горло. БЕНДЕР нанес КОРЕЙКО резкий удар в солнечное сплетение.

Не давите на мою психику! Невозможно заниматься!

КОРЕЙКО (*стонет от боли*). Негодяй! Негодяй! Вот негодяй!

БЕНДЕР. Заседание продолжается! И, как видите, господа присяжные заседатели, лед тронулся. Подзащитный пытался меня убить. Конечно, из чистого любопытства. Он просто хотел узнать, что находится у меня внутри. Спешу это любопытство удовлетворить. Там внутри – благородное и очень здоровое сердце, отличные легкие и печень, без признаков камней. Прошу занести этот факт в протокол. Практически никто за все эти долгие годы не знал, кто скрывается под видом сорокашестирублевого конторщика. Зато это знаю я. И в доказательство предоставляю суду копии заочных приговоров на весьма длительные сроки, которые вынесены моему подзащитному судьями разных инстанций Республики Союза. Да, господа присяжные заседатели, мой подзащитный грешен. Это доказано, но я все-таки позволю себе просить о снисхождении, при том, однако, условии, что подзащитный купит у меня папку! Фу-у-у, я устал и есть хочу!

КОРЕЙКО (*после паузы*). Так это вы посылали мне дурацкие телеграммы?

БЕНДЕР. Я. Грузите апельсины бочках... Братья Карамазовы». Разве плохо?

КОРЕЙКО. Глуповато.

БЕНДЕР. А «дай миллион, дай миллион, дай миллион»?

КОРЕЙКО. Мальчишеская выходка. А когда вы пришли ко мне в виде киевского надзирателя, я сразу понял, что вы мелкий жулик. К, сожалению, я ошибся. Иначе черта с два вы бы меня нашли.

БЕНДЕР. Да, вы ошиблись.

КОРЕЙКО. Ну, ограбление – это еще понятно, но гири! Почему вы украли у меня гири?

БЕНДЕР. Какие гири? Никаких гирь я не крал.

КОРЕЙКО. Вам просто стыдно признаться.

БЕНДЕР. Однако я с вами заболтался. Меня ждут мулаты. Прикажете получить деньги?

КОРЕЙКО. Да, деньги! С деньгами заминка. Папка хорошая, слов нет, купить, но миллион – это несуразная цифра.

БЕНДЕР. До свидания. И, пожалуйста, побудьте дома полчаса. За вами приедут в чудной решетчатой карете.

КОРЕЙКО. Так дела не делают.

БЕНДЕР. Может быть, но я, знаете, не финансист. Я свободный художник и холодный философ.

КОРЕЙКО. За что же вы хотите получить деньги? Я их заработал, а вы...

БЕНДЕР. Я не только трудился! Я даже пострадал! После всего, что я узнал о вашей деятельности и о тех, кто ей способствует, я потерял веру в человечество. Разве это не стоит миллиона рублей, вера в человечество?

КОРЕЙКО. Стоит, стоит... *(Собирает вещи, документы.)*

БЕНДЕР. Значит, пойдём в закрома? Кстати, где вы держите свою наличность? Надо полагать не в сберкассе?

КОРЕЙКО. Пойдемте. Там увидите.

БЕНДЕР. А вы лучше, чем я думал. И правильно. С деньгами нужно расставаться легко, без стонов.

КОРЕЙКО. Для хорошего человека и миллиона не жалко... *(Подает Бендеру какую-то корзинку, а сам забирает у него папку.)* Подержите, пожалуйста...

БЕНДЕР. Не вопрос.

КОРЕЙКО. Еще бы!

Как только КОРЕЙКО получил папку взамен на корзинку, он тут же выскользнул за дверь и захлопнул ее на французский замок. И исчез.

БЕНДЕР. Что за шутки? Гражданин подзащитный! Призываю вас к порядку! Откройте! Откройте, расхититель социалистической собственности! Стяжатель! Комбинатор! Олигарх! *(Колотит в дверь.)* Братцы! Братцы! Сообщите моему покойному папе, турецко-поданному, что любимый сын его получил неправомерную меру пресечения, взят под стражу и заключен под замок... *(Отшвырнул корзинку, опустился на пол и запел.)*

Не лета-ай, орел,
Низко ко-о-о земле,
Не гуляй, бурлак,
Близко к берегу ты-ы-ы-ы.

Затемнение.

Городской сад. У фонтана перепачканные угольной пылью как вредливые коты грустно сидят «золотоискатели» ПАНИКОВСКИЙ и БАЛАГАНОВ. Появляется «честный борец за денежные знаки» О.БЕНДЕР. Пауза.

БЕНДЕР. Ну, гуси-лебеди, что подельвали?

ШУРА. Ей-богу... Это Паниковский затеял.

БЕНДЕР *(строго).* Паниковский.

ПАНИКОВСКИЙ. Честное, благородное слово! Вы же знаете, Бендер, как я вас уважаю! Это балагановские штуки.

БЕНДЕР. Шура!

ШУРА. И вы ему поверили! Ну, как вы думаете, разве я без вашего разрешения взял бы эти гири?

БЕНДЕР. Какие гири?

ШУРА. У Корейко.

БЕНДЕР. Так это вы взяли гири? Зачем?

ШУРА. Паниковский сказал, что они золотые.

БЕНДЕР. Гири? Золотые? *(Хохочет.)*

ПАНИКОВСКИЙ. Но ведь они могли ими быть! Вы же не можете отрицать такой теоретической возможности! Кто виноват, что этот проходимец Корейко не додумался до этого! Кстати, а где он?

БЕНДЕР *(несколько смущенно)*. Подзащитный исчез и наша с вами задача найти его. Правда, скрываясь, подзащитный коварно похитил папку с компроматом на самого себя и, самое обидное, все наши деньги, которые случайно находились в папке на момент похищения. Однако не следует сокрушаться. Ничего страшного нет. Вот в Китае разыскать нужного человека трудновато: там живет четыреста миллионов населения. А у нас очень легко: всего лишь сто шестьдесят миллионов, в три раза легче, чем в Китае. Лишь бы были деньги. Только вот денег нет. Надо думать.

Думают. Вдалеке задумчиво проходит ЗОСЯ СИНИЦКАЯ.

ШУРА. Командор! Вон барышня идет. Это с нею Корейко всегда гулял.

БЕНДЕР. Значит, это и есть Зося Синицкая? Вот уж действительно – среди шумного бала, случайно... *(Командует.)* Все на постоянный двор к Козлевичу! Подготовить «Антилопу! И ждать! Вот деньги! Купите в канцтоварах желтую папку!

БЕНДЕР догоняет ЗОСЮ и заводит с ней разговор.

ЗОСЯ смеется. Они уходят вместе.

ПАНИКОВСКИЙ. Какая фемина! Ах, если бы гири были золотые! Честное, благородное слово, я бы на ней женился.

Затемнение.

Ночь. Пустая танцплощадка. БЕНДЕР и ЗОСЯ СИНИЦКАЯ под соловьиный аккомпанемент танцуют танго.

Погода благоприятствует любви.

ЗОСЯ

Зачем тебя я, милый мой, узнала,
Зачем же ты похитил мой покой?
И горюшка теперь бы я не знала,
Не билось бы сердечко мое вновь...

СОЛОВЬИ

Тив-тив-тив-ив, тив! Тив-тив-тив-тив!

ЗОСЯ

Не билось бы сердечко мое вновь

СОЛОВЬИ

Тив-тив-тив-ьи-ив! Тив-тив-тив-тив!

ЗОСЯ

Не билось бы сердечко мое вновь!

СОЛОВЬИ

Тив-тив!

ЗОСЯ

Я жду, и вот приходит долгожданный,

Целует, нежно за руку берет.
Ах, милый, мой дружок, мой желанный
И сердце песню радости поет.

СОЛОВЬИ

Тив-тив-тив-ти-ив! Тив-тив-тив-тив!

ЗОСЯ

И сердце песню радости поет.

СОЛОВЬИ

Тив-тив-тив-ти-ив! Тив-тив-тив-тив!

ЗОСЯ

И сердце песню радости поет...

СОЛОВЬИ

Тив-тив!

ЗОСЯ. За что вы меня полюбили?

БЕНДЕР. Вы нежная и удивительная.

ЗОСЯ. Правда?

БЕНДЕР. Правда.

ЗОСЯ. Помните, я вам рассказывала о Корейко. О том, который делал мне предложение.

БЕНДЕР (*рассеянно*). Да.

ЗОСЯ. Он очень забавный человек.

БЕНДЕР. Да, он очень забавный человек.

ЗОСЯ. Он так неожиданно уехал из Черноморска. А сегодня я получила от него письмо. Очень забавное!

БЕНДЕР (*как ужаленный*). Что-о?!?!

ЗОСЯ. Вы ревнуете?

БЕНДЕР. М-м немножко. Что же вам пишет этот пошляк?

ЗОСЯ. Он вовсе не пошляк. Он просто очень несчастный и бедный человек. Успокойтесь, Остап. Почему вы так вспыхнули? Seriously, я его совсем не люблю. Он просит меня приехать к нему.

БЕНДЕР (*рычит*). Куда, куда приехать? Где он?!?!

ЗОСЯ (*смеется*). Нет, я вам не скажу. Вы ревнивец. Вы его еще убьете.

БЕНДЕР. Ну что вы, Зося! Просто любопытно узнать, где это люди устраиваются.

ЗОСЯ. О, он очень далеко! Пишет, что нашел очень выгодную службу, здесь ему мало платили.

БЕНДЕР. Да, здесь ему очень мало платили...

ЗОСЯ. Он теперь на постройке Восточной магистрали.

БЕНДЕР (*нервно*). В каком месте?

ЗОСЯ. О, вы слишком любопытны! Нельзя быть таким Отелло!

БЕНДЕР. Ей-богу, Зося, вы меня смешите. Разве я похож на старого глупого мавра? Просто хотелось бы узнать, в какой части Восточной магистрали устраиваются люди.

ЗОСЯ. Я скажу, если вы хотите. Он работает табельщиком в Северном укладочном городке. Все это в пустыне, он пишет, верблюды, сойгаки... Правда, интересно?

БЕНДЕР. Необыкновенно интересно. Знаете что, Зося, надо идти. Уже поздно. И холодно. И вообще до свидания!

ЗОСЯ. Вы разве меня не проводите домой?

БЕНДЕР. Что? Ах, домой? Видите ли, я... Мне необходимо... Я чрезвычайно...

ЗОСЯ (*сквозь слезы*). Хорошо! До свиданья! И не приходите больше ко мне! Слышите? (*Убегает.*)

БЕНДЕР (*бежит вслед за ней*). Нежная и удивительная! (*Останавливается.*) Нет, это не Рио-де-Жанейро!

Стремительно уходит в противоположную сторону.

Затемнение.

Постоялый двор. Заспанные ШУРА, ПАНИКОВСКИЙ и КОЗЛЕВИЧ выстроились перед БЕНДЕРОМ во фрунт.

БЕНДЕР. Объявляю по экипажу: карнавал кончился! Начинаются суровые будни. Адам! Курс на Восток! В Северный укладочный городок Восточной магистрали! В пустыню!

ПАНИКОВСКИЙ. В какую пустыню? Зачем в пустыню? Чем плохо здесь, в Черноморске?

БЕНДЕР. Вперед! Не нойте, старик. Вас ждут золотые челюсти, толстенная вдовушка и целый бассейн кефира. Балаганову я куплю матросский костюмчик и определю его в школу первой ступени. Там он научится читать и писать, что в его возрасте совершенно необходимо. А Козлевич, наш верный Адам, получит новую машину. Какую вы хотите, Адам Казимирович? «Студебеккер»? «Линкольн»? «Ролс-Ройс»? «Тайоту»? «Мазду»? «Мерседес»? «Рено»? «Систроем»? «Пежо»?

КОЗЛЕВИЧ. «Жигули».

БЕНДЕР. Хорошо. Вы их получите. Они будут называться «Антилопа Вторая» или «Дочь Антилопы», как вам будет угодно. А сейчас – не унывать! И вперед! На восток! Там урюк! Там арыки! Абреки! Шашлыки и шайтаны! И падишах, который ждет нас и держит что-то заветное на блюдечке с голубой каемкой? Вперед!

КОЗЛЕВИЧ (*грустно*). «Антилопа» сломалась.

БЕНДЕР. Автостопом поедем! По железной дороге! Пешком поедем! (*Пауза.*) Что же вы молчите, как женихи?

ШУРА. Знаете, Бендер, я не поеду. Вы не обижайтесь, но я не верю. Я не знаю, куда нужно ехать. Мы там все пропадем. Я остаюсь.

КОЗЛЕВИЧ. Я тоже хотел вам сказать...

ПАНИКОВСКИЙ. Остап Ибрагимович! Вы знаете как я вас уважаю... Вы такой человек... А я старый, я больной, мне плохо... Там же басмачи... жалкие, ничтожные люди...

БЕНДЕР (*сухо*). Как хотите. Я еду! Как еду – не знаю, но еду! Хотите со мной? Последний раз спрашиваю.

ШУРА. Нет.

КОЗЛЕВИЧ. Не поеду. Не могу больше.

ПАНИКОВСКИЙ. Остап Ибрагимович, честное, благородное слово... Не могу. Нету физических возможностей.

БЕНДЕР. Что же вы будете делать?

ШУРА. А что мне делать? Пойду в дети лейтенанта Шмидта – и все.

КОЗЛЕВИЧ. «Антилопу» соберу. Ремонт ей дам.

ПАНИКОВСКИЙ. Женюсь! Четное, благородное слово, женюсь! Надоело, Остап Ибрагимович, надоело!

БЕНДЕР. Папку купили?

ШУРА (*подает желтую папку*). Вот.

БЕНДЕР (*забирает пустую папку, достает из кармана деньги*). Это все что у меня осталось. Возьмите.

БЕНДЕР притянул к себе БАЛАГАНОВА, погладил его по спине, расцеловался с КОЗЛЕВИЧЕМ, обнял ПАНИКОВСКОГО и стремительно ушел в ночь.

Затемнение.

Восточная магистраль. Красный уголок.

Маленькая трибуна. За трибуной КОРЕЙКО.

КОРЕЙКО. Уважаемые товарищи! По поручению руководства строительством Восточной магистрали и парткома я должен сделать сегодня, так сказать, информирование либо, так называемую, политинформацию, что я хотел сказать? Нам надо быть как-то внимательнее как друг к другу, так и к происходящему в целом. Все, конечно, хорошо в нашей жизни, но, товарищи, не все в нашей жизни в порядке. О чем я говорю? О том, что надо и вообще-то о том, что жизненно необходимо. И в принципе. И в целом. И вообще. И в частности. Как говорил классик марксизма-ленинизма товарищ Карл Маркс «битие определяет сознание». Это ни в коей мере не призыв к рукоприкладству, но тем не менее. Вот я хочу вам рассказать жизненную историю, которая тянет в целом и в частности на притчу. Был, так сказать, молодой человек. Комсомолец. И звали его – Адам. И была в этом же, так сказать, городе девушка комсомолка Ева...

Появляется утомленный БЕНДЕР с желтой папкой под мышкой.

БЕНДЕР. Ну, и что же?

КОРЕЙКО. Хороший вопрос. Спасибо за этот вопрос, товарищ. И что же? А то, что комсомольцы полюбили друг друга. В смысле Адам и Ева. И через три года у них было уже два сына.

БЕНДЕР. Ну, и что же?

КОРЕЙКО. А то, что одного сына звали Каин, а другого – Авель, и что через известный срок Каин убьет Авеля, Авраам родит Исаака, Исаак родит Иакова, и вся библейская история начнется, якобы сначала. И, как утверждают апологеты, никакой марксизм этому помешать не сможет. Неправда! Марксизм всему сможет помешать! Всему! Если бы марксистско-ленинское учение существовало в библейские времена, Ева вначале родила

бы Авеля, потом Авраама, затем Исаака, далее Иакова, Ноя, Сима, Хама, Мафусаила, Магога, Фираса, Эреха, Хета, Давида и Иуду. И только уж потом, пото-о-ом Каина. И Каин, как человек разумный, так сказать, гомо Сапиенс не поднял бы руку на брата! Потому что всех не убьешь! Вот, товарищи, в чем сила марксизма-ленинизма! И еще. Одного известного западного политолога спросили, что он думает о нашей стране. «Я восхищен, – сказал профессор, – у вас все грандиозно! Я не сомневаюсь в том, что пятилетка будет выполнена и перевыполнена. Я об этом буду писать. Он действительно написал, выпустил книгу, в которой на двухстах страницах доказывал, что СССР станет одной из самых мощных стран. А на двухсот первой странице профессор заявил, что именно по этой причине страну Советов нужно как можно скорее уничтожить. Кончил. У вас есть ко мне вопросы.

БЕНДЕР. Есть.

КОРЕЙКО. Слушаю.

БЕНДЕР (*отмахиваясь желтой папкой*). Скажите, пожалуйста, в чем все-таки заключается сермяжная правда?

Затемнение.

Вагон, в котором живет КОРЕЙКО.

БЕНДЕР сидит на ящике из-под макарон.

КОРЕЙКО возится под кроватью.

БЕНДЕР. Вы не курите, Александр Иванович?

КОРЕЙКО. Не курю.

БЕНДЕР. Какое счастье!

КОРЕЙКО. Почему?

БЕНДЕР. Попросить папироску у такого скряги, как вы, было бы просто мучительно. Вы нехороший человек. Ну, что вам стоит вытащить весь чемодан?

КОРЕЙКО. Еще чего?

БЕНДЕР. Сказать, о чем вы сейчас думаете?

КОРЕЙКО. Ни о чем я не думаю!

БЕНДЕР. Думаете, думаете... Вам страшно. Вдруг я сейчас вас задушу и заберу все деньги. И вам не так страшно умереть, как потерять эти презренные бумажки. Успокойтесь. Бендер никого никогда не убивал. А, может быть, вы собираетесь меня зарезать? Так знайте – я против.

КОРЕЙКО пододвигает к ногам БЕНДЕРА кучу пачек.

КОРЕЙКО. Девяносто девять пачек. По десять тысяч в каждой. Бумажками по двадцать пять червонцев. Можете не проверять, у меня – как в банке.

БЕНДЕР. А где же сотая пачка?

КОРЕЙКО. Десять тысяч я вычел. В счет ограбления на морском берегу.

БЕНДЕР. Ну, это уже свинство! Деньги истрачены на вас же. Не занимайтесь формалистикой.

КОРЕЙКО, вздыхая, выдал еще одну пачку.

БЕНДЕР взял наугад одну пачку, распечатал ее и затрепал купюрами.

Где же валюта? Где мексиканские доллары, турецкие лиры, где фунты, руппи, где евро, наконец? Дайте хоть часть валютой.

КОРЕЙКО. Берите, берите что есть! Берите, а то и этого скоро не будет. Валюты не держу.

Пауза. БЕНДЕР перекидывает пачки денег с места на место.

БЕНДЕР (*грустно*). Вот я и миллионер! Сбылась мечта идиота! Мир не перевернулся и ничего, решительно ничего не произошло. Цель достигнута, делать больше нечего, и надо менять профессию. Сбылась мечта идиота. Александр ибн-Иванович! Бросайте вы ваше отшельничество! Статистика знает все! И она знает, что человек за свою жизнь выпивает пять с половиной тысяч бутылок вина, двести пятьдесят бочек пива и съедает двадцать тысяч котлет. Так что спешите, спешите все это осуществить лично. Не то налетят посторонние лица и сожрут вашу порцию.

КОРЕЙКО. Я не хочу себя афишировать. Посадят.

БЕНДЕР. Вот будете сидеть на своем чемодане, а в один погожий денек явится к вам костлявая – и косою по шее. А? Представляете себе аттракцион? Спешите, Александр ибн-Иванович! Котлеты еще на столе.

КОРЕЙКО. Я буду служить в конторщиках! Я буду ждать капитализма! Я его дождусь! Тогда и поживу.

БЕНДЕР. Ну, ждите. (*Уходит.*)

Затемнение.

Вокзал. На скамье, скукожившись, спит ШУРА БАЛАГАНОВ.

Появляется ОСТАП БЕНДЕР в шикарном пальто,

в шляпе и с чемоданчиком.

БЕНДЕР. Вставайте, граф, вас зовут из подземелья!

ШУРА (*отрывает глаза и глупо улыбается*). Командор!

БЕНДЕР (*защищаясь ладонью*). Нет, нет, не обнимайте меня. Я теперь гордый.

ШУРА (*восторженно*). Забурел, забурел! Вот забурел!

БЕНДЕР. Да, я забурел. (*Показывает руку.*) Безымянный палец моей руки унизан бриллиантовым перстнем. Четыре карата. Ну, каковы ваши достижения? Все еще в сыновьях?

ШУРА. Да так, больше по мелочам.

БЕНДЕР. Скажите, Шура, честно, сколько вам нужно денег для счастья? Только подсчитайте все.

ШУРА (*не задумываясь*). Сто рублей.

БЕНДЕР. Да нет, вы меня не поняли. Не на сегодняшний день, а вообще. Для счастья. Ясно?

ШУРА. Ясно.

БЕНДЕР. Так сколько? Чтобы вам было хорошо жить на свете.

ШУРА (*морщит лоб*). Для счастья, чтобы мне хорошо было жить на свете мне нужно... Мне нужно... шесть тысяч четыреста сорок два рубля.

БЕНДЕР. И с этой суммой вам будет хорошо?

ШУРА. Не то слово!

БЕНДЕР (*достаёт из чемоданчика пачку денег и кладёт ее перед Балагановым*). Ладно. Получите пятьдесят тысяч.

ШУРА схватил пачку, спрятал ее на нагрудном кармане и прижал ладонью.

ШУРА. Неужели тарелочка?

БЕНДЕР. Да, да, тарелочка. С голубой каемкой. Подзащитный принес в зубах. Долго махал хвостом, прежде чем я согласился взять. Теперь я команду парадом. Но, честно говоря, по большому счету парад не особенно ладится. И все чаще в голове вертится пошлая фраза неудачников всех времен и народов: «Не в деньгах счастье». Где уважение? Где почет? Где слава? Где власть?

ШУРА. А как же Рио-де-Жанейро? Поедем?

БЕНДЕР. Ну его к черту! Все это выдумка, нет никакого Рио-де-Жанейро. И Америки нет, и Европы нет, ничего нет. Заграница – это миф о загробной жизни. Только в загробной жизни нас весьма возможно, еще ждут, а за границей – нет. Никому мы там не нужны. Шура... Ни-ко-му.

ШУРА. Знаете, что с Козлевичем? Он все-таки собрал «Антилопу» и работает в Черноморске. На улице Меринга, на бирже... Ух, как я теперь заживу! Бедный Паниковский! Он, конечно, нарушал конвенцию, но Бог с ним! Вот радовался бы старик!

БЕНДЕР. А что с ним?

ШУРА. Помер, Михаил Самуэлевич... Паралич сердца.

БЕНДЕР. Давно?

ШУРА. Сразу же, как вы уехали.

БЕНДЕР. Предлагаю почтить его память... Что вам принести из буфета?

ШУРА. Колбасы.

БЕНДЕР. Это само собой. Что будите пить? Коньяк, французское вино.

ШУРА. Пиво.

БЕНДЕР. Я мигом. (*Уходит.*)

ШУРА сидит, прижимая правую ладонь к карману с пачкой денег.

Появляются милиционер и два дружинника.

МИЛИЦИОНЕР. Предъявите документы, гражданин.

ШУРА. Пожалуйста! (*Лезет в карман, но вместо паспорта вытаскивает пачку денег.*) Вот.

ДРУЖИННИК. Ого!

МИЛИЦИОНЕР. Что это?

ШУРА (*глупо улыбаясь*). Деньги

МИЛИЦИОНЕР. Чье?

ШУРА. Мои.

МИЛИЦИОНЕР. Откуда?

ШУРА. Заработал.

МИЛИЦИОНЕР (*рассматривает пачку*). Чтобы это заработать, гражданин, надо сто лет жить и работать без выходных и праздников. Пройдемте!

ДРУЖИННИК. Бандюга!

ШУРА (*заплакал*). Я не бандюга!

МИЛИЦИОНЕР. Пройдемте!

ДРУЖИННИК. Ворюга.

ШУРА. И не ворюга я, ничего ни у кого не крал! Это тарелочка! С голубой каемкой! Это деньги подзащитного! Я сын великого, незабвенного героя лейтенанта Шмидта!

МИЛИЦИОНЕР. Пройдемте!

ШУРА (*плачет*). Жалкие, ничтожные люди!

БАЛАГАНОВА повязали и увели. БЕНДЕР с бутылкой коньяка, двумя бокалами и куском колбасы издалека наблюдает эту сцену.

Затемнение.

Черноморск. Возле «Антилопы»

БЕНДЕР и КОЗЛЕВИЧ.

БЕНДЕР. Я обманул вас, Адам. Я не могу подарить вам новой машины. Как только я это сделаю, люди, живущие в бедности, тут же спросят, откуда у вас взялись такие деньги. А государство рабочих и крестьян заставит вас ответить на этот вопрос. Чем это закончится – вы можете догадаться. Так что придется вам довольствоваться вот этой рухлядью, коей является наша «Антилопа».

КОЗЛЕВИЧ. Почему же? Мой «лорен-дитрих» – добрая машина.

БЕНДЕР. Плохи мои дела, Адам Казимирович. Становлюсь философом. Хотите афоризм? Если Бог хочет наказать человека, он делает его нищим, а если Бог захочет человека казнить, он делает его богатым. Понимаете?

КОЗЛЕВИЧ. Нет.

БЕНДЕР. Счастливый вы человек. Вы знаете, Адам, новость – на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести четырнадцать кило!

КОЗЛЕВИЧ. Нет, а что?

БЕНДЕР. Как что? Это научно-медицинский факт. Вы только подумайте! Двести четырнадцать кило! Давят круглые сутки, и особенно по ночам. Я плохо сплю. Что?

КОЗЛЕВИЧ. Ничего, я слушаю...

БЕНДЕР. Мне очень плохо, Адам. У меня слишком большое сердце. У меня налицо все пошлые признаки влюбленности: отсутствие аппетита, бессонница и маниакальное стремление сочинять стихи. Слушайте, что я накропал вчера ночью: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». Правда, хорошо? Талантливо? И только на рассвете, когда дописаны были последние строки, я вспомнил, что этот стих уже написал А.Пушкин. Такой удар со стороны классика! А?

КОЗЛЕВИЧ. А вы у нее были? У Зоси Викторовны?

БЕНДЕР. Не пойду! Я этой негодяйке послал из Москвы на триста пятьдесят рублей телеграмм и не получил ответа даже на полтинник. Это я-то, которого любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник! Нет, Адам, я туда не пойду. До свидания!

Уходит.

Затемнение.

Танцплощадка. Но музыки нету. И соловьи не поют.

Отпели свое соловьи. Лето кончается.

ЗОСЯ СИНИЦКАЯ и ОСТАП БЕНДЕР.

БЕНДЕР. Зося, я приехал, и отмахнуться от этого факта невозможно.

Молчание.

Вы знаете, Зося, на каждого человека, даже партийного, давит атмосферный столб весом в двести четырнадцать кило. Вы этого не замечали?

Молчание.

Я влюблен и я несчастен, Зося...

ЗОСЯ. Печальный влюбленный...

БЕНДЕР. Да, я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью.

ЗОСЯ. Ну, какой там рыцарь!

БЕНДЕР. Не сердитесь, Зося. Примите во внимание атмосферный столб. Мне кажется даже, что он давит на меня значительно сильнее, чем на других граждан. Это от любви к вам. И, кроме того, я не член профсоюза. От этого тоже.

ЗОСЯ. Кроме того, еще потому, что вы врете больше других граждан.

БЕНДЕР. Это не ложь.

ЗОСЯ. Ну, до свиданья...

ЗОСЯ. Я уже не Синицкая. Я – Синицкая-Фемиди.

БЕНДЕР *(упавшим голосом).* И давно?

ЗОСЯ. Уже двадцать семь дней.

БЕНДЕР. Я не видел вашего мужа, но он мне нравится.

ЗОСЯ. Мне самой нравится. *(Решительно уходит.)*

БЕНДЕР как остолебеневший сидит на танцплощадке.

Открывает чемоданчик. Достает пачку денег.

БЕНДЕР *(швыряет пачку).* Увели! *(Швыряет другую пачку.)* Девушку! *(Швыряет пачку.)* Прямо! *(Швыряет.)* Из стойла! *(Швыряет.)* Увели! Фемиди! Немезиди! Увели! У единоличника! Миллионера! *(Швыряет деньги.)* Мне тридцать три года! *(Швыряет.)* Возраст Иисуса Христа! А что я сделал до сих пор? Учения не создал! Учеников разбазарил! Никого не согрел! Никому не помог! Эксплуататор! Трудового народа! Пижон! Паразит! Если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума, а если хочет его казнить, он дает ему этого разума больше, чем человек может вынести. *(Швыряет последнюю пачку, падает на помост танцплощадки и рыдает.)*

Появляется ПРЕДСЕДАТЕЛЬ и участники хора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Та-ак! Стали! Стали, я сказал! Балалаечники – сюда, домбры – сюда, цимбалы – сюда... Хор по центру! По голосам, по голосам! Та-ак... Что это такое? Драмкружок репетировал? Това-а-арищи, неужели трудно убрать реквизит? Понятно, что бутафория, но все-таки на деньги похожее. Нельзя же так! Где руководитель драмкружка? Что это такое? Пусть уберет свою бутафорию! Или я пожалуюсь в партком. В идеологический отдел! *(К Бендеру.)* Вы от какой организации, товарищ?

БЕНДЕР. Я депутат сумасшедших аграриев О.Бендер. Не состоявшийся граф Монте-Кристо, переквалифицировавшийся в управдомы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. От аграриев? И коммунальщиков? Отлично! У вас какой голос?

БЕНДЕР *(мрачно).* Народный...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отлично! Будете солировать! Стали! Собрались! Товарищи, начинаем генеральную репетицию. Смотр! Завтра Всесоюзный смотр! Ответственно! Наполнено! Проникновенно! С душой! Балалайки вступают, потом цимбалы, потом домбры... Начали! И-и-и!

Пошли балалайки, потом цимбалы, потом домбры.

БЕНДЕР *(поет)*

Ах, ты, степь широ-о-окая,
Степь, раздо-о-ольная,

ХОР

Ах ты, Волга-матушка,
Волга вольная!

БЕНДЕР

Ой, да не степной орел
Поднимается

ХОР

То речной бурлак
Разгуляется.

БЕНДЕР

Не летай, орел,
Низко ко-о земле,

ХОРА

Не гуляй, бурлак,
Близко к берегу ты-ы-ы-ы.

БЕНДЕР поет и плачет.

Затемнение.

К о н е ц

